

Софья Подольская
ХОРОШАЯ ДЕВОЧКА
ПОПАДАЕТ
В НЕПРИЯТНОСТИ

16+

Софья Подольская

**Хорошая девочка
попадает в неприятности**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Софья Подольская

Хорошая девочка попадает в неприятности / Софья
Подольская — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Лена — современная женщина. Взрослая, спокойная, уравновешенная. За плечами болезненный развод и смерть любимого. Впереди дом, работа и вечера в компании толстой кошки... Не тут-то было! Таинственный незнакомец, неизвестно как оказавшийся в спальне, волшебство, путешествие в другой мир. Встреча с Брианом, гордым лордом, сильнейшим магом и доверенным советником короля. Чем закончится классическое противостояние плохого мальчика и хорошей девочки?

© Софья Подольская, 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

ПРОЛОГ

Странный звук разрушил гармонию домашней безопасной мелодии, собранной из редких шумов пролетающих под окном автомобилей, голосов полуночных гуляк, мурлыканья Клёпы и мирного тиканья часов. Нездешний, чужой, он холодной сороконожкой пробрался мне в ухо, заставляя задержать дыхание и проснуться.

Показалось? Черт, опять. Похоже на щелчок пальцами. Соседи? Нет, слишком близко. Нужно открыть глаза, но виду не подавать. И не кричать – что бы ни увидела, кричать нельзя. Вдох. Три. Выдох. Два. Вдох. Один. Выдох!

Закусив губу, я всмотрелась в зловещую темноту комнаты. Дико захотелось заорать, схватить с прикроватной тумбочки лампу и швырнуть ее в стоящую напротив фигуру. Огромную, черную, вторгающуюся в мое личное пространство самим своим присутствием и этим дурацкими щелчками. Раздражение заставило страх немного отступить.

Хорошо, паниковать нельзя. Думай, Лена, у тебя ведь неплохо получается. Кто бы это ни был, он выше и явно сильнее. Значит, бежать! В коридор, потом на площадку и позвать на помощь. Кажется, говорит что-то. Голос глухой, язык непонятный, жесты странные. И пока ты, дура, пялилась, этот отрезал тебя от двери. Твою ж...

Разозлилась. Хорошо, очень хорошо – это отодвинуло страх еще дальше.

Дыши, Лена. Вот так, ровно и неглубоко. Нужно выбраться из квартиры. А если он попытается остановить, получит по башке... книгой. Или мобильным? Черт, черт, черт! Сейчас зареву. Ну вот, теперь этот уставился на меня. Руками не машет, пальцами не щелкает, не бормочет. Просто стоит и смотрит. Молча. Страшно.

– Вам не нужно бояться, я не причиню вам вреда, – голос у незваного гостя оказался молодым и очень уставшим. – Я, кажется, заблудился. По-видимому, что-то напутал в формуле. Или это из-за коэффициента преломления, о котором говорил магистр Гелен... А вы не подскажете, где именно я нахожусь? Ну пожа-а-алуйста, ну не нужно меня так сильно бояться.

Неужели я действительно услышала это? Дурдом. Просто дурдом. Где тут выключатель... ну, вот, отлично. И увидела тоже. Лица, правда, не разглядеть. Ладони, которыми незнакомец попытался отгородиться от яркого света, испачканы чернилами. И, похоже, он одет... В мантию?! Ох, ну вот за что мне все это?!

Парень опустил руки, моргая, посмотрел в мою сторону и тут же повернулся сутулой спиной.

– Вы... вы не могли бы прикрыться? – смущенно пробормотал он.

– Что? – оторопело переспросила я.

– Вы, – было слышно, как он сглотнул, – вы неподобающе одеты!

Похоже, быть изнасилованной и убитой мне пока не грозит. Зато психиатры примут меня с распростертыми объятиями!

– Кто вы и что вы делаете в моей спальне? – очень постаралась, чтобы голос звучал ровно.

– Меня зовут Рин. Я должен был попасть в библиотеку, но заклинание переноса сработало неправильно. Я не нарочно, честно! Я бы никогда не использовал тайное знание для чего-то такого!

Он выпалил это одним духом. С оскорбленным достоинством прилежного ученика, которого несправедливо заподозрили в списывании.

– Какого такого? – устало спросила я, вылезая из кровати и закутываясь в халат.

– Непрстойного!

Ктулху меня заberi, сколько праведного гнева. И напрягся как, бедненький. А если я до тебя дотронусь...

Парень всполошенным зайцем рванул в сторону, налетел на гладильную доску и, потеряв равновесие, рухнул вместе с ней на пол.

Ишь ты, дерганый какой. И так, я его слышу. И вижу. А плечо под балахоном оказалось костлявым, но вполне натуральным. Вдобавок он успешно взаимодействует с окружающими объектами. Ну, почти успешно.

Ночной гость неуклюже встал, поднял доску, водрузил на нее утюг и смущенно пробормотал.

– Извините.

– Это вы меня извините, – я наконец-то решила рассмотреть горе-путешественника, – не хотела вас напугать. Не ушиблись?

Он наморщил крупный веснушчатый нос, свел на переносице рыжие брови.

– Н-нет, – покачал лобастой головой.

– Вот и славно. Выпить хотите? – озвучила свое тайное желание.

Сердце все еще скакало бешеным мангустом, руки противно подрагивали, а Википедия в голове радушно открылась на статье «Психоз».

– Постигающим тайные знания должно отринуть искушения мирские, дабы очистить разум и возвеличить дух, – наставительным тоном произнесло это воплощение добродетелей.

Вот только проповедей от галлюцинации мне в жизни не хватало.

– Ясно. Идемте.

Щуриться, пожалуй, не следовало – юноша поджал крупные губы и, чуть отшатнувшись, переспросил:

– К-куда?

– На кухню. Будем чай пить. И разговаривать.

Представь, что перед тобой котенок, нескладный рыжий котенок. Отлично, а теперь улыбнись спокойно, тепло, доброжелательно.

– Меня зовут Лена.

Он посмотрел на меня трогательными ореховыми глазищами.

– И не нужно бояться, Рин. Я не причиню вам вреда.

Заметив, что я направляюсь на кухню, Клеопатра покинула нагретое место на второй полке шкафа-купе и побежала впереди странной процессии. Кошачья логика и жизненный опыт подсказывали: можно выклянчить внеочередную порцию еды.

– Кто это?

Испачканный чернилами палец указывал на три килограмма короткошерстного британского великолепия, усевшиеся рядом с миской. Клеопатра требовательно мяукнула, парень уставился на нее с еще большим интересом.

– Это Клеопатра, моя кошка. Клеопатра – это Рин, наш гость.

И тут голову осветила мысль, гениальная в своей простоте. Я быстро схватила животинку, подошла к моей предполагаемой галлюцинации и попросила максимально дружелюбно.

– Возьмите ее на руки, пожалуйста.

– Зачем? – недоверчиво прищурился этот симптом в балахоне.

– Традиция такая, знакомиться со всеми обитателями дома. Если Клеопатра вас признает, я буду связана законами гостеприимства.

– Ну, хорошо, – согласился он, – давайте.

Рин протянул руки, я аккуратно передала ему кошку, Клеопатра недовольно дернула хвостом и в упор посмотрела на парня. Похоже, она его видит.

– Подержите ее немного, пожалуйста, – бросила я и метнулась в спальню за телефоном.

Сделаю фото, завтра покажу Таньке. И если она увидит только кошку, пойду сдаваться психиатрам. Ну вот. Портрет готов. А парень, похоже, Клёпе понравился, вон как ластится. На всякий случай положила мобильный в сумку, чтобы точно не забыть, и отправилась ставить чайник.

Запивая бутерброды чаем со слоновьей дозой сахара, моя галлюцинация поведала, что она будущий маг, прибывший из другого мира. Только рассказ оказался куда длиннее, с кучей странных имен и названий, которые я даже не пыталась запомнить.

– А вы можете вернуться?

От идеи тяпнуть вискаря для успокоения нервов пришлось отказаться ради сохранения ясности мысли.

– Теоретически могу, – увлеченно жуя, сообщил Рин, – но, чтобы подключиться к линиям силы, мне понадобится помощь ваших магов. Да и координаты нужны. Ну, портал построить.

Он уже успокоился и любознательно крутился по сторонам. Ненавижу разбивать детские иллюзии.

– Рин, посмотрите на меня, пожалуйста.

И когда парень поднял пыливый взгляд, спокойно сказала:

– Боюсь, в моем мире нет магии.

– Чепуха! – Он отмахнулся, чуть не сметя со стола сахарницу. – Вон же она.

Длинный палец указал на лампу под песочным абажуром.

– И вот, и это тоже.

Следующими внимания удостоились плита и холодильник, после чего Рин посмотрел на меня с совершенным осознанием собственного превосходства.

– Рин, я понимаю, для вас это может прозвучать странно, но это не магия. В нашем мире магов нет. Есть ученые и инженеры, которые придумывают все эти полезные предметы.

Судя по ошарашенному выражению лица, до моего гостя начало доходить.

– Нет магии? Но это... Это невозможно! – в его голосе зазвучала паника. – Как же я тогда попаду домой? Мне надо домой. Очень надо! Я не сдал магистру работу по теории магических потоков. И я тренировался телепортироваться, чтобы к маме поехать...

Он посмотрел на меня умоляюще. И когда мне стало жаль Рина, поняла: попала. Конкретно так попала – не помочь потерявшемуся ребенку я не могла. Пусть даже этот ребенок на полторы головы меня выше и, скорее всего, является галлюцинацией. Качественной такой. Нервничает, бедный, вот-вот расплачется.

– Хотя, знаете, во многих древних легендах упоминаются волшебники и магические существа. Возможно, у нас тоже есть то, что вы называете линиями силы...

Я несла откровенную ересь, но парень жадно ловил каждое мое слово. Плечи его расправились, из глаз ушла паника. Наконец он потянулся за очередным бутербродом. А ест он немало, надо учесть.

– Правда?

На меня он посмотрел, как на обещание пятерки автоматом.

– Вот вы хорошо учитесь? – решила зайти с другой стороны.

– Я лучший ученик, – заявило это чудо в балахоне, гордо выпячивая грудь. – Магистр Гелен меня хвалит и сказал, что после выпуска оставит своим ассистентом. А потом я тоже стану магистром.

Будущее магическое светило постаралось принять степенный вид. Мне же захотелось потрепать его по рыжим вихрам и дать конфету.

– А что скажет магистр Гелен, когда вы вернетесь, выполнив такое сложное задание?

– Он... – парень задумался, а потом его глаза вспыхнули азартом. – Он будет мной гордиться! Ведь если все так как вы говорите, это очень-очень сложно. Может, мне это даже зачтут как испытание.

Рин с надеждой посмотрел на меня.

– Будь я вашим преподавателем, непременно зачла бы, – улынулась, вспомнив свою недолгую университетскую карьеру. – А сейчас предлагаю ложиться спать.

– Как спать? – удивленно спросило юное дарование.

– Вот так, спать. Мне завтра на работу. И всем нам нужно отдохнуть.

А дальше начался цирковой номер под названием «уложи детинушку баиньки». Смекнув, что на диване эта каланча не поместится, я предложила ему занять кровать. Рин залился густым румянцем и отрицательно замотал головой.

– Почему нет?

В моем голосе не было ни капли раздражения. Думай о котятках, Лена, думай о котятках, а еще детенышах выдр и щенках корги.

– Вы же там спали!

Констатация этого очевидного факта далась парню с трудом

– Ну да, это моя кровать, и я там спала. А еще там Клеопатра спит регулярно. Рин, боюсь, мы так долго будем обсуждать. Поэтому прошу, скажите прямо, что именно вас беспокоит.

Спать хотелось зверски, до звонка будильника оставалось каких-то пять часов.

– Ну...

Парень замялся, уставился в пол и сбивчиво пробормотал:

– Вы же женщина, вы там спали, и вид у вас был...

Пришлось поменять постельное белье, достать гостевую подушку и одеяло. Только после этого юноша перестал краснеть и заикаться. На всякий случай объяснила Рину, как включать свет, где в доме санузел, как он работает. После этого глаз на меня парень уже не поднимал. Попросила ничего на кухне не трогать и, пожелав спокойной ночи, совершенно вымотанная уползла на диван. Клеопатра, похоже, решила остаться вместе с гостем. Предательница хвостатая.

Мелодия будильника играла как-то подозрительно далеко. Протянула руку, чтобы взять мобильный с прикроватной тумбочки, но ладонь провалилась в пустоту. От неожиданности я резко села, заработав приступ головокружения. Меня повело, да так, что я чуть не грохнулась с дивана. Попыталась понять, почему сплю в гостиной и где мой телефон? А потом, вспомнив и ужаснувшись, на цыпочках подошла к двери в спальню. Покоившийся на подушке рыжий затылок убедил: сном вчерашняя ночь не была. Или у меня таки поехала крыша, или я попала в сказку. Да где ж этот чертов телефон?!

Мобильный нашелся в сумке. Отключая будильник, я обнаружила новую заметку: «Показать вчерашнюю фотку Таньке. Если не увидит парня, идти к психиатру». На снимке Рин и Клеопатра внимательно рассматривают друг друга. Ладно, будем придерживаться плана. Пока мой незваный гость жевал завтрак, объяснила ему, как пользоваться холодильником, микроволновкой и электрочайником. Потом выдала карандаш и бумагу, показала полки с книгами. И когда Рин, уткнувшись в сборник сказок народов мира, перестал реагировать на внешние раздражители, пошла собираться. Повторив перед уходом технику безопасности – не включать, не выходить, никого не впускать, я пожелала Рину и Клеопатре хорошего дня и побежала на работу.

– Ну ты, мать, даешь! – Татьяна смотрела на меня осуждающе. – Ему хоть восемнадцать есть?

– Тань, не дури, это племянник мой.

Смеялась я громко. Она его видит! Внутри стремительно разворачивалась затянута до предела пружина. Эка меня трянуло, оказывается.

– Племянник? – удивленно переспросила Татьяна, прищуривая идеально подведенные глаза.

– Ага, троюродный. Отец попросил приютить на пару недель, пока пацан вузы столичные посмотрит, а то у мачехи очередная драма...

– Добрая ты, Ленка, – отхлебнув кофе, резюмировала Татьяна. – Слишком. Слушай, а что это за хрень на нем надета?

– Так он косплеем увлекается, – выкрутилась я. – Костюм показывал.

– Тоже с придурью?

Татьяна приподняла аккуратную бровь, и, покачав в ухоженных руках чашку, добавила:

– Может, оно и к лучшему. Ты ж скоро там одна пылью покроешься, а кошка тебе отвечать начнет. Ладно, я тебе что рассказать хотела. Прикинь, вчера Сергей...

Поставив мысленно зарубку купить Рину шмотки, я сосредоточилась на повествовании Татьяны о ее драматических взаимоотношениях с очередным ухажером. К концу обеденного перерыва Сергей был признан недостойным и определен на испытательный срок.

В магазине мужской одежды глаз мгновенно отметил салатную футболку подходящего фасона, а сердце пропустило удар. Прошло уже два года, а я все еще неосознанно выбираю тебе одежду. Моргнула, пытаясь стряхнуть мокрую дымку. Нельзя об этом думать. Не сейчас. Все, Лена, хватит торчать хлюпающим сталагмитом, у тебя дома ребенок голодный и без трусов. Хотя трусы я Рину покупать, пожалуй, не стану. Он после этого вообще со мной разговаривать не сможет.

Спортивные брюки, пара футболок, носки. Надо будет снять мерки для джинсов и обуви, а потом выпустить на улицу. Посмотреть на реакцию окружающих. Если честно, я все еще сомневалась в том, что Рин реален. Теперь в супермаркет и домой.

Встретивший меня в дверях Рин был голоден и встревожен. Пришлось сразу пойти на кухню, выдать ему стопку бутербродов и готовить ужин, одновременно отвечая на вопросы про все-все-все. Когда я вспомнила о Мерлине, парень уронил вилку. Поднимая ее, зацепил головой столешницу. Потер рыжий затылок и, взяв чистый прибор, взволнованно попросил рассказать все, что я знаю об этом Великом Волшебнике. Ага, именно так, с придыханием. Похоже, в их мире старина Мерлин был популярен.

– Хорошо, – согласилась я, – но после того, как вы переоденетесь.

Надо брать тепленьким, а то опять полчаса стесняться будет.

– Я купила вам кое-какую одежду. У нас не принято ходить в мантиях. И очень прошу, – пришлось добавить, когда парень начала гипнотизировать надкушенную отбивную, – не нужно ничего себе придумывать. Вы мой гость, я хочу вам помочь. В конце концов, поскорее отправить вас домой в наших общих интересах.

– Я все понимаю, – не поднимая глаз, вздохнул Рин. – Это нехорошо, что я у вас живу.

– Нехорошо? Почему?

– Ведь я мужчина, вам не родственник.

Я не засмеялась и ни на секунду не усомнилась в серьезности его намерений. Больно честное у парня лицо.

– Послушайте меня, пожалуйста. В этом мире правила другие. И в том, что вы у меня живете, нет ничего предосудительного.

Рин принялся полировать взглядом узор на скатерти.

– Ну, представьте, – продолжила я, – что я ваша сестра или тетя.

– Сестра? – он наконец-то поднял глаза.

– Да, старшая. А для старших сестер совершенно естественно заботиться о младших братьях.

Я улыбнулась.

– Значит, вы согласитесь стать моей кровной сестрой?

Парень выглядел так, будто решил сложную задачу.

Впрочем, почему бы и нет? Лишний родич карман не тянет, а если Рину это поможет успокоить его тараканий цирк, лучше будет всем.

– Соглашусь, – кивнула я. – А как это?

– Нам нужно смешать кровь и принести клятву. И тогда перед богинями я стану вашим братом. Буду вас защищать!

Вид у Рина был настолько серьезным, что улыбку пришлось спрятать за глотком чая.

– А крови много нужно?

– В книгах пишут, достаточно нескольких капель, – вспоминая, Рин забавно морщил нос. – Их надобно смешать в сосуде, а потом, держа над ним руки, произнести клятву.

– Ясно. Тогда делаем так: я готовлю все для кровопускания, а вы запишите на бумажке текст клятвы, чтобы я ничего не напутала. Договорились?

– Да!

Рин метнулся в комнату, изрядно озадачив лежавшую на табуретке Клеопатру. Раньше кроме нее по дому с такой скоростью никто не перемещался.

На кухонном столе лежали иголки от одноразовых шприцев, пластырь, сувенирная пиала, вата и бутылка виски. Последнее предназначалось для дезинфекции, в том числе внутрь. Предварительно объяснив Рину правила стерилизации, я протерла палец алкоголем, уколола, выдавила в пиалу несколько красных капель и заклеила ранку. Мой будущий братец проделал те же манипуляции. Затем мы соединили левые руки над сосудом и зачитали клятву. Рин по памяти, а я по бумажке. На всякий случай. Я была настолько сосредоточена на тексте, что не заметила, как ладонь Рина сильнее сжала мою. Отмучавшись, перевела глаза с листа на ошарашенное лицо названного братца, а потому уже на пиалу, в которой горело ровное пламя. Фиолетовое и очень красивое. Накаркала, значит. Молодец.

– Рин, – тихо позвала я, но реакции не последовало. – Ри-ин.

Парень уставился на огонь, будто от этого зависела его научная карьера. Пришлось вытянуть правую руку со все еще зажатой в ней бумагой и помахать перед лицом новоиспеченного родственника. Рин выпустил мою ладонь. Пламя погасло, но парень продолжал таращиться в чашку. Пустую и чистую. Похоже, пора звать на помощь старину Джека.

От глотка виски Рин скривился и закашлялся. Я забрала у него стакан, налила еще, отхлебнула и нарочито безразличным тоном поинтересовалась.

– А оно так и должно гореть?

Вместо объяснения меня озадачили вопросом, в котором звучала смесь недоверия и обиды.

– Вы что, волшебница?

Я поперхнулась от неожиданности. И поняла: вот сил моих больше нет. В конце концов, я живое существо и имею право на эмоциональную реакцию.

– Да какая, блин, волшебница? – грохнула стаканом по столу. – Я обычная женщина! Совершенно обычная, понимаешь? И вот такое вижу первый раз в жизни. И страшно мне до чертиков. И прекрати на меня смотреть, будто я у тебя любимую игрушку отобрала!

От моей тирады Рин смешно втянул голову в плечи и пробормотал:

– Извините, я не хотел вас обидеть.

Ну вот, напугала ребенка.

– Это ты извини, братец. Я просто ничего не понимаю и поэтому очень боюсь. Объясни, пожалуйста, что здесь сейчас произошло?

Он вытянул длинную тощую шею, посмотрел на меня с плохо скрытым недоверием и медленно проговорил:

– Когда произносят клятву кровного родства, богини скрепляют ее, давая знак.

– Значит, пламя – часть ритуала?

Успокаиваю себя, представляя, что мы обсуждаем события, какой-то книжки или фильма. Теме «Магия в моей жизни» точно придется подождать, я еще с галлюцинациями не разобралась.

– Да. Но я не думал, что оно будет. Я сегодня целый день пробовал разные заклинания. И ничего. У меня ничего не получилось! А сейчас – вот, – он показал на пиалу, – это значит, что проблема во мне. Значит, я ненастоящий маг!

Он дышал резко и часто моргал. Похоже, еще пара судорожных вздохов, и парень разрыдается.

– Знаешь, ты точно более настоящий маг, чем я.

– Но ведь это вы сейчас творили магию!

Он смотрел на меня так, будто я забрала его самый важный приз.

– Уверена, это случайность.

Кажется, алкоголь начал действовать, и меня потянуло на авантюры.

– Знаешь, Рин, научи-ка меня заклинанию, самому простому. Спорю на что угодно, оно у меня не получится.

– Не получится?

– Совершенно, абсолютно, никак не получится.

Я маг? Ерунда какая!

Спустя час о своем предложении я уже жалела. Заклинание оказалось на странном языке – пришлось записать текст на слух со слов Рина, а потом несколько раз повторить, корректируя произношение. Декламацию надлежало сопроводить жестами, от которых под конец эксперимента сводило пальцы. Сначала Рин меня учил, а после заставил раз двадцать повторить. Эффект был нулевой.

Когда у меня в очередной раз ничего не вышло, парень явно оживился, даже обрадовался. Убежал в комнату, плюхнулся на диван и принялся чертить на листке. Улыбнувшись сосредоточенной рыжей макушке, я сделала последний глоток виски и отправилась мыть посуду. Зело полезное занятие для филологов, как любила говорить моя несравненная преподавательница по английскому.

Наведение фэншуя подходило к концу, когда на кухню влетел взволнованный маг и, сверкая глазами, потребовал моей крови. Сделав глубокий вдох и сосчитав до десяти, я нашла в себе силы спокойно поинтересоваться.

– Много?

– Нет, – замотал головой юный экспериментатор, – несколько капель, но если вы дадите больше...

– Больше не дам, – твердо заявила я.

Исколов два пальца, протянула магу блюдце с кровушкой.

– Чур, ничего не разрушать, хорошо?

Рин кивнул, схватил добычу и упрыгал в комнату. Врожденное любопытство потянуло за ним. Посуду он водрузил на лист бумаги, расчерченный какими-то символами. Затем выпрямился и начал читать заклинание. Несмотря на свою подростковую неуклюжесть, выглядел Рин в этот момент весьма торжественно. Я почувствовала гордость за нового родственника. Почти как за племянников на детсадовских утренниках. Вот только у них после чтения стихов Деду Морозу не материализовывались в руках букеты.

Кажется, Рин был удивлен результатом не меньше меня. Он переводил ошалевший взгляд с блюдца на цветы, а потом с надеждой уставился на мои исколотые пальцы. Я демонстративно спрятала руки за спину, дождалась, пока он посмотрит мне в глаза, и, одобрительно улыбнувшись, нарушила повисшую в комнате тишину:

– Поздравляю! Вот мы и выяснили, что я не маг, а у тебя с этим все в порядке.

И когда он ответил широкой улыбкой, невинно поинтересовалась:

– А кровь обязательна?

– Да, то есть нет, ну, точнее, не совсем, – парень шумно вдохнул и уже спокойнее продолжил. – Чтобы творить магию, нужна энергия. Маги берут ее из линий силы, но, в принципе, все живые существа накапливают силу в крови. Теперь я уверен. В этом мире есть магическая энергия. Значит, нужно найти источник.

– Вот и чудесно, – бодро произнесла я, чувствуя, как отпускает накотившее после удачного завершения эксперимента беспокойство.

– Это вам, – Рин протянул букет. – Спасибо, что помогаете мне!

Весь такой серьезный и невероятно трогательный.

– Может, перейдем на ты? – предложила я, принимая цветы. – Мы же теперь вроде как родственники. И давай, ты все же переоденешься, а потом я покажу, как пользоваться специальной машиной. Она может ответить на любой вопрос.

– Совсем на любой?

Кажется, он мне не поверил.

– Почти на любой. Во всяком случае, знает она точно больше меня.

Я отлучилась в коридор, вернулась и протянула Рину пакет с вещами.

– Если понадобится помощь, зови.

Суперволшебник покраснел, чего я, собственно, и добивалась. Вот будет знать, как меня всякими чудесами пугать и кровушки требовать!

Без мантии Рин был похож на старшеклассника, хронически прогуливавшего физкультуру. Бледные худые руки расправляли ткань спортивных штанов, из-под которых торчали тонкие, пожалуй, даже изящные щиколотки. С размером я, конечно, промахнулась. Ну и ладно. Для дома в самый раз.

– Тебе очень идет, – похвалила я, водружая на стол букет, – понимаю, что непривычно. Думаю, в платьях, которые носят у вас женщины, я бы тоже чувствовала себя странно.

Похоже, Рин попытался меня представить в таком наряде. Закатил глаза, сосредоточенно поджал губы, а потом расхохотался. Смеялся он долго, от души. Я внимательно следила, чтобы не упустить момент, когда смех перейдет в истерику. Но, похоже, высшие силы решили проявить благосклонность. Вытерев глаза тыльной стороной руки, Рин с предвкушением улыбнулся:

– Ты обещала показать мне машину, которая отвечает на любые вопросы, – и, немного помедлив, добавил, – и рассказать про Мерлина.

– Давай я покажу тебе машину, а про Мерлина ты у нее сам спросишь.

Вытерев руки, пошла включать ноутбук.

У Рина оказалась феноменальная память. Мои объяснения он схватывал на лету и спустя какое-то время уже вовсю ковырялся в Википедии. Эксперимента ради, создала новую учетную запись в Скайпе, запустила приложение на планшете и написала Рину: «Привет». Он пришел в восторг и от программы, и от устройства, и от идеи, что в маленькой коробочке можно хранить тысячи книг. Юный исследователь засыпал меня вопросами, как это все работает, на что я отправила его мучить поисковик, а сама наконец-то позволила себе расслабиться, уткнувшись в книгу. Периодически меня отрывали охами, ахами и просьбами пояснить значение слов, но в принципе вечер завершился куда спокойнее, чем начался. В полночь я выгнала зевающего Рина из-за компьютера и, обняв Клеопатру, которая решила на это раз составить компанию мне, погрузилась в сон.

Следующие несколько дней порадовали приятной предсказуемостью и отсутствием серьезных потрясений. Утром мы завтракали, потом я уходила на работу, Рин усаживался за ноутбук, а за ужином рассказывал о своих успехах. Получив обязательную похвалу, парень вновь зарывался в интернет, периодически покрывая листы бумаги странными закорючками.

Он прекратил дергаться и стал похож на подростка сеттера, увлеченного интересной игрой. Несколько раз пытался сотворить заклинание, используя батарейки, аккумуляторы и даже розетку, но результата не было. Бедняжка так опечалился, что я, пожалев, выдала ему еще крови для опытов. Клеопатра с восторгом ловила разноцветных бабочек, заполнивших комнату, и сильно расстроилась, когда те внезапно пропали. Выразив свое возмущение гневным «мяу», она гордо удалилась в спальню под наш негромкий смех. А Рин попросил отвезти его в лес и мужественно терпел, пока я снимала мерки.

За эти дни я заметила, что тактильных контактов мой новый родственник старательно избегал и охотно прикасался только к Клеопатре. Ел за троих, спал без задних ног, демонстрировал здоровую любознательность, живой ум и неплохой, в общем-то, характер. Успокоившись и обжившись, он даже начал помогать мне по хозяйству, чем покорила окончательно. Похоже, он действительно принял меня как старшую сестру.

Рин охотно рассказывал о своем мире, но, к сожалению, мир за пределами университета интересовал его мало. Он вырос в деревне, откуда его увез магистр Гелен, разглядев в нескладном мальчишке талант мага. Отца своего Рин не помнил, мать обожал и очень переживал, как она там. У него были старшие братья и сестры, о которых он почти не говорил. Как, впрочем, и о друзьях. Рин учился, помогал магистру Гелену, следил за порядком в его комнате и лаборатории, на каникулах навещал мать. Вот, собственно, и все. Кстати, магами становились только мужчины, а женщины в университете встречались разве что на кухне и в прачечной, да и то были солидными матронами или вдовами. Пришлось отказаться на время от маечек на бретельках и вообще перейти на более строгую форму домашней одежды. Хорошо хоть, мои футболки не превращали его в стесняющуюся институтку. Однако за окном буйствовал май, а значит, выход в свет обещал стать интересным.

В субботу, погрузив в рюкзак планшет, пару литров воды, термос с кофе, пакет с бутербродами и полкило яблок, мы отправились в лес. В группе фанатов сверхъестественного Рин вычитал о потенциальном месте силы, которое находилось недалеко от города. В джинсах, футболке и кроссовках юный маг стал похож на обычного ботанистого первокурсника, и баба Маня – неотъемлемый атрибут нашего парадного – Рина, несомненно, увидела, просканировала и даже поздоровалась в ответ на его смущенное: «Добрый день!». Ура! Визит к психиатру откладывается.

Я затолкала притихшего парня в машину, пристегнула, отрегулировала положение кресла, попросила меня не отвлекать, ничего не трогать, по возможности не шуметь и, ведомая навигатором, порулила к загадочному сосредоточению силы. Настроение было отличное. Да и перспектива провести день на природе радовала. Давно я никуда не выбиралась, а в лес так и вообще в последний раз с... А вот эту дверь сейчас открывать не надо: не время, не место и уж точно не та компания.

Музыка позволила отвлечься и переключиться на дорогу. Периодически я посматривала на Рина, который замороженно таранился в окно. Судя по не покидавшему щек румянцу, наряды местных барышень его впечатлили. Ничего, пусть привыкает. В жизни пригодится, а может, и нет. Кто знает, как там у них, магов, с женским полом. Вдруг целибат.

Размышляя об особенностях постельной жизни волшебников, я дорулила до места, откуда нам предстояло протопать пару километров пешком. Нагруженный рюкзаком, но осво-

божженный от обета молчания Рин завалил меня вопросами. Память у него была идеальная, поэтому пришлось рассказывать все, что знаю об автомобилях, светофорах, трамваях и автобусах. И почему дома у нас такие высокие, и почему люди носят странные маски на глазах, и еще десять раз по десять почему. Периодически сверяясь с навигатором, мы бодрым шагом углублялись в гущу леса, когда Рин внезапно замолчал и остановился. Я тоже притормозила.

Он вытянул руки перед собой и, бормоча что-то под нос, начал медленно поворачиваться вокруг своей оси. Замер, пошевелил пальцами, сказал еще пару фраз на своем тарабарском и внезапно бросился бежать. Скорость, с которой он скрылся за деревьями, не оставляла сомнений – мне его не догнать. Убедившись, что парень ускакал в запланированном навигатором направлении, я, помянув юное дарованье парой ласковых, последовала за ним. Похоже, он что-то почувствовал.

Я сделала глубокий вдох, приоткрыла один из сундуков памяти и погрузилась в настойчиво барабанившие по крышке воспоминания. Лес. Тоже теплый, весенний. Веселый треск костра и потрясающий запах шашлыка. Старый плед. Под тихий смех самого любимого человека во вселенной облизываю перепачканные жиром пальцы. Где-то должны были остаться фотографии, но за два года я так и не собралась с духом второй раз заглянуть в архив. Хватило первого, когда нужно было выбрать лучшие фото для его мамы. И самое лучшее – на памятник. Нет, эту дверь я открывать не стану. Пусть сегодня будет день светлой грусти. Родной запах, упавшая на глаза челка, сильные руки, тихое «люблю».

Улыбаясь сквозь подступившие слезы, я открыла глаза и в нескольких метрах впереди увидела Сашу. Горло сжалось, не давая сделать вдох. Серая ветровка. Ее мы долго выбирали, а потом обмывали в нашей кофейне. Фотоаппарат, с которым ты почти никогда не расставался. Заношенные, но любимые джинсы. Я несколько раз порывалась их выбросить, а ты не давал. Мы в шутку ссорились. Целовались. Мирились. В них и похоронили. Твоя мама предлагала костюм, но я настояла. Ты ведь ненавидел костюмы, и тогда это казалось безумно важным. Я хотела, чтобы тебе было комфортно. Я так хотела, чтобы тебе было комфортно.

Плачу, глядя на свое потерянное счастье, а оно, родной улыбкой разорвав мне сердце, поворачивается и уходит в лес. Бросаюсь следом, путаясь в траве, спотыкаясь и, кажется, несколько раз упав. Да, я знаю, что тебя больше нет, но я просто хочу еще раз посмотреть на тебя. На секунду заглянуть в самые ясные в мире глаза и сказать, как сильно я тебя люблю. Пожалуйста...

Саша стоит посреди сказочной поляны, но я не вижу ни фантастической красоты деревьев, отгородивших это дивное место, ни волшебных цветов, ни бабочек, не слышу пения птиц. Весь мой мир сосредоточился на одинокой фигуре, кажущейся слишком скучной и чужой на этом празднике красок. Я медленно подхожу, пытаюсь коснуться ладонью щеки, и рука проваливается. Иллюзия...

Ноги не держат. Двери, за которыми хранятся все самые тяжелые и самые счастливые воспоминания, срывает с петель. Я реву, громко, надрывно, совершенно не реагируя на Рина, который наконец-то замечает меня, подбегает и опускается на колени. В ореховых глазах ужас. Краски поблекли, мираж рассеялся, и теперь это совершенно обычная поляна.

Понимание, что Саша больше нет, накатывает с новой силой. Истерика, будто постаревшая прима, волей случая попавшая на подмостки, отрывается по полной. Я не могу вдохнуть. Зубы стучат, тело бьет дрожь, а из горла доносятся лишь сдавленные всхлипывания. Кружится голова. Хорошо, значит, еще чуть-чуть – и пойдет откат. Только бы не потерять сознание. Кажется, Рин что-то говорит. Рин! Цепляюсь за эту мысль, как за якорь. Ты нужна Рину, ты должна прийти в себя. Ты всегда была ответственной. Отличница. Хорошая девочка. Нельзя быть эгоисткой, Лена, нужно думать о других. Чувствую, как внутри расплывается знакомое онемение. Заставляю себя дышать, медленно восстанавливая ритм. Постепенно звон в ушах стихает, и я различаю почти срывающийся в крик голос Рина.

– Лена, ты меня слышишь? Лена!

Так громко.

– Да, – мой голос тихий, едва различимый и очень хриплый, – я тебя слышу, не кричи, пожалуйста.

Прикладываю пальцы к вискам, пытаюсь раздавить созревающие там виноградины боли.

– Что с тобой?

Он взволнован, но говорит тише.

– Я чувствую, что тебе плохо, но не понимаю, почему.

Растерянность, испуг, вина...

– Я просто кое-что увидела, и это меня расстроило.

Ответственная девочка наконец-то заняла привычное место. Я могу дышать и говорить почти спокойно.

– С тобой это никак не связано, Рин, ты ни в чем не виноват.

Накатывает ожидаемая слабость, и я упираюсь руками в траву, чтобы не упасть. Дама истерика отказывается уступать. Хорошая девочка осуждающе грозит ей пальчиком.

– Честно?

Кажется, мой ответ его успокоил.

– Клянусь ушами Клеопатры.

Я слабо улыбаюсь – маска не позволяет больше, но и сорваться не дает. Держит.

– Мне нужно выпить кофе, Рин. Подай, пожалуйста, рюкзак.

Достаю термос и бутерброды. Рин сам наливает напиток в чашку и протягивает мне. Беру обеими ладонями и выметаю из головы все задачи, кроме одной. Мне нужно выпить кофе. Проговариваю про себя последовательность действий, считаю глотки. На последнем руки уже не трясутся. Я должна помочь Рину. Остальное сейчас неважно.

– Рин, ты нашел что-нибудь?

Поворачиваюсь к нему. От волнения парень умял все бутерброды, но, кажется, все же успокоился.

– Да! Смотри!

Несколько фраз, щелчок пальцами – и над его головой повисает светящийся шарик.

– Красотища какая, – выдыхаю я, – никогда такого не видела.

Я хочу отвлечь взволнованного Рина, поэтому прошу показать мне что-то из его мира. Он задумывается, а потом открытое лицо зажигается летним солнышком. Рин начинает говорить, и мир вокруг нас меняется. Из-под травы проступают мраморные плиты пола. Из них величественно вырастают резные колонны, сплетаясь над нашими головами в стрельчатые арки. В проходах встают высокие шкафы темного дерева, заставленные разномастными фолиантами. Я даже чувствую запахи: книжной пыли, старой кожи, бумаги и волшебства.

Нахожу в себе силы подняться и прикоснуться к корешкам, насладиться приятной шероховатостью переплетов. Меня заполняет совершенно детский восторг, и я спешу зафиксировать это ощущение в памяти. Сохранить его, чтобы потом, когда придется с кровью отдирать проклятую маску, я могла унять боль целительной прохладой этого мгновенья.

– Спасибо, Рин, – благодарю от всего сердца. – Это потрясает!

Рина словно прорывает, и он начинает говорить. Рассказывает об университетской библиотеке. О книгах и добром магистре Деклане, местном смотрителе, который втихаря разрешает Рину заглядывать в закрытый фонд, ведь Рин всегда аккуратно обращается с бесценными экземплярами. Об их посиделках за чашкой травяного настоя. О своем любимом месте, вот здесь, возле окна. Потому что отсюда хорошо виден центральный неф, и когда солнце садится, дерево золотят угасающие лучи, а тени от колонн кажутся живыми. Мы усаживаемся за тяжелый стол и наблюдаем за их неспешным танцем.

– А тебе не трудно держать вот это все?

– Нет, – счастливо улыбается Рин, – тут очень хорошее место. Богатое.

– Этой энергии хватит тебе, чтобы добраться домой?

Чувствую укол сожаления. Кажется, я начала привыкать к своему названому братцу. Или это просто организм настойчиво сигнализирует, что одиночества в моей жизни уже достаточно? Ставлю заметку подумать об этом потом.

– Должно хватить, – Рин полон энтузиазма, – осталось только уточнить координаты и составить заклинание. Конечно, если бы я мог использовать магию в той точке, куда пришел, было бы проще.

– А чего-то вроде наших батареек у вас нет?

– И правда, можно сделать накопитель! – встрепенулся парень и тут же погрузился. – Только для этого кристалл нужен.

– Какой?

– Я не знаю названий ваших камней. Мне нужно поискать, но с накопителем все будет намного проще! Мы можем поехать домой, чтобы я поискал?

Кажется, он готов сорваться и лететь прямо сейчас.

– Можем, – улыбнулась я, вбирая его радость. – Только, пожалуйста, не убегай так больше. У тебя ноги вон какие длинные, я за тобой не успеваю.

– Извини, – смущенно пробормотал он, – я просто обрадовался, когда почувствовал энергию. Вот и не сдержался. И потом тоже. Я не знал, что с тобой такое будет.

Рин был похож на нашкодившего котенка, и я почти машинально погладила его по голове. Удивительно, но он не вздрогнул, не отодвинулся, а спокойно принял эту дружескую ласку.

– Ты не можешь защитить меня от моего прошлого, братец. Но ты подарил мне все это, – я обвела рукой почти погрузившийся в сумрак зал, – спасибо. А хочешь посмотреть магию нашего мира? Хотя она, конечно, не такая впечатляющая...

– Хочу!

Столько энтузиазма в голосе.

– Тогда верни все как было, и поехали в кино.

Рин отправился домой через неделю. Кажется, последние несколько дней он оставался, чтобы просто составить мне компанию. Хотя Рин отговаривался необходимостью больше узнать о магии нашего мира, как мы оба в шутку называли достижения технического прогресса. Я отдала ему на растерзание старую электронную книгу, пылившуюся в шкафу, и этот гениальный ребенок возился с аккумулятором, пока не заставил его работать на магии.

С накопителем мы разобрались на следующий же день после памятного посещения лесной поляны: массивный кулон с горным хрусталем, сто лет назад подаренный мне бывшей свекровью, наконец-то на что-то сгодился. Нам пришлось проторчать в лесу почти весь день, пока Рин мастерил накопитель, зато потом Клеопатра всю неделю ловила по дому разноцветных бабочек, птичек и мышек.

Словно боясь что-то пропустить, Рин почти все время проводил за ноутбуком, отбирая и сохраняя в свою читалку книги, картинки, схемы. Я никогда еще не видела человека, настолько увлеченного поиском новых знаний. Мы посетили все технические музеи в городе, а также железнодорожный вокзал и аэропорт. Самолеты привели Рина в восторг. Но меня бесконечно удивляли не его несомненная гениальность, фантастическая работоспособность и неукротимая тяга к новой информации, а тихая трогательная доброта и готовность отвечать на тепло и заботу. И чем ближе был день отъезда, тем яснее я понимала: мне будет не хватать моего странного родича.

Субботу мы провели в парке аттракционов. Последним пунктом программы стало колесо обозрения, с которого открывался чудесный вид на город. Легкие прикосновения теплого ветра – и Рин, крутящийся во все стороны, жадно впитывающий новые впечатления. Я знала, его идеальная память не упустит ни единой детали. Беззаботная болтовня, звонкий смех.

Я заражалась его детской жизнерадостностью, тянулась к ней, как запойный алкоголик, глотала вздох, стараясь заполнить сосуды своей души и памяти. Знала ведь, что мне предстоит, и пыталась подготовиться. А когда мы на несколько минут зависли на самом верху, я достала из своих сокровенных запасов самую теплую и добрую улыбку и сказала:

– Спасибо тебе, братец.

– За что? – недоуменно спросил Рин.

– За компанию. Я давно так не веселилась.

– Я тоже, – ответил он и, подумав, добавил. – Никогда. Я никогда так не веселился.

Он внезапно замолчал и отвернулся. Помедлив, я пересела под бок к Рину, взяла его под руку и, легонько толкнув локтем, показала на небо, где, оставляя за собой белую полосу, летел самолет. Рин размял пальцы, и в следующую секунду она засияла всеми цветами радуги, словно за хвостом находилась невидимая призма.

– Ты с ума сошел! Увидят же!

– А, – отмахнулся Рин, довольно улыбаясь, – пусть. Все равно не поверят.

Как две недели назад, он стоял посреди моей спальни. Долговязая фигура в балахоне. Только сейчас из-под подола выглядывали носки кроссовок. За спиной рюкзак. В нем одежда, читалка, с десятков бумажных книг, цветной анатомический атлас и термокружка. Клеопатра, осознав важность момента, всю мурлыкала и даже лизнула Рина в нос. Не мне одной будет его не хватать. Я закрыла ее в ванной, чтобы не мешала, и пришла прощаться.

– Готов? – спросила тоном стойкой спартанской матери.

– Угу, – пробурчал Рин.

– Отлично, – сказала я, снимая с мантии шерстинки Клёпы, и вручила белый конверт, – тогда держи. Откроешь, когда вернешься домой.

– А что там? – в глазах Рина промелькнуло любопытство.

– Сюрприз.

Я подмигнула и, подавшись вперед, заключила названного брата в объятия. Он застыл. Я почти физически ощущала его неуверенность. А спустя несколько ударов сердца Рин внезапно крепко прижал меня к себе, удобно устроив подбородок на моей макушке. И вздохнул. Медленно и очень грустно. Подавив наворачивающиеся на глаза слезы, я отстранилась, преодолевая легкое сопротивление его рук. Достала из записки свою самую лучшую улыбку.

– Счастливой дороги, братец. Мы с Клёпкой будем тебя вспоминать.

И, чувствуя, что запас моей прочности подходит к концу, выбежала из квартиры. Когда спустя час я вернулась домой, в спальне никого не было. Выпустив Клеопатру из ванной, я уселась в кресло и наконец-то позволила себе зареветь.

ГЛАВА 1

Его Величество Белгор Десятый, милостью Великой Матери Верховный Король Саварры, Лигурии и Лохнадана, пребывал в задумчивости. Переговоры с послами Дунстера, длившиеся уже неделю, не принесли ничего, кроме изжоги. Требования тана, возмнившего себя великим освободителем и настаивающего на пересмотре вассального договора, были просто смехотворны. И если бы не постоянная угроза со стороны других соседей, Белгор вторгся бы в

Дунстер, как это в свое время сделал его великий предок под номером четыре. Но сейчас Госпоже Ворон хватит дани, собираемой на восточных границах. А с клятвопреступником он разберется по-своему. Тем более что приехавший с посольством племянник тана не прочь примерить дядин венец. Высочайшие размышления были прерваны гостем, ради которого король задержался в кабинете в этот поздний час.

– Ваше Величество, – высокий мужчина согнул в идеальном поклоне гордую спину.

– Доброй ночи, Бриан. Присаживайтесь. Вина?

Король лично наполнил два дорогих кубка.

– Если позволите, Ваше Величество, я мог бы избавить вас от этого недуга.

В голосе прибывшего тонко сочетались почтительность и забота о монархе. Первое было настоящим.

– Позволю, мой дорогой магистр, позволю, – ответил король, протягивая бокал. – Надеюсь, вы избавите меня от нескольких досадных недоразумений. Но можете начать с изжоги.

Небрежное движение длинных холеных пальцев – и мерзкий зверек, выгрызавший августейшие внутренности, затих.

– Благодарю.

Короля всегда забавляла реакция подданных на это слово, но маг только склонил голову и едва улыбнулся.

– Счастлив служить Вашему Величеству, – магистр был безупречен.

– Мне нужно, чтобы вы оказали мне услугу, Бриан, – король решил перейти к делу, – и, разумеется, это останется между нами.

– Клянусь честью рода МакНуад не разглашать вашего приказа.

– Тан Дунстера должен исчезнуть, – жестко сказал Белгор. – Желательно со всеми ближайшими родичами. Хорошо, если в этом усмотрят волю богинь, покаравших клятвопреступника. В деталях я полагаюсь на вас, магистр.

Белгор Десятый ценил своего придворного мага за быстрый ум, несомненный талант, исполнительность, изобретательность и исключительную понятливость. Бриан МакНуад служил короне верой и правдой, а главное, не задавал глупых вопросов.

– Мне понадобится время на подготовку.

Темные глаза магистра блеснули в неярком свете магических фонарей.

– Недели достаточно? Долго я этих гостей терпеть не намерен.

– Более чем достаточно, Ваше Величество, – легкая улыбка украсила четкий рисунок губ.

– Отлично. И, раз уж вы пришли, партию в фидхелл?

– Сочту за честь, Ваше Величество.

– И не вздумайте поддаваться, Бриан. Это королевский приказ.

Прекрасен был Дуотар. С моря виделся он продолжением отвесной скалы, сотни лет сдерживающей натиск неласковых волн. Неприступен был Дуотар. И потому спокойно храпел в богатой постели тан, обнимая молодую красавицу жену. Спали его родичи и домочадцы. Даже стражники, уверенные в защите вековых стен, коротали вахту в караулке за кружкой темного эля.

Бриан поежился от объятий пронизывающего ветра. На самой верхушке северной башни не было ни души. Какая ирония, легендарная твердыня покорится воле одного. Маг не торопился. Он стремился запомнить каждое мгновение, каждый запах, каждый звук. Спешил впитать биение жизни огромного организма, заключенного в каменную оболочку.

Сегодня он сделает невозможное. Древний ритуал, запретный настолько, что даже упоминания о нем уничтожены. Оставались только тонкие ниточки, которые Бриан собирал почти

десять лет, надеясь сплести узор заклинания. Втайне ото всех, ведомый лишь интуицией и своей одержимостью стать лучшим. Наконец-то достойным. И свободным от удушающей ответственности перед родом и памятью великих предков.

– Смотри, отец! – шепот Бриана утонул в крике ветра.

Маг вскрыл вены на обоих запястьях и начал читать заклинание. Капли крови дробились, вспыхивали искрами и, отрицая гравитацию, взмывали в воздух. Скоро высокая фигура была окружена этими страшными светляками. И каждая капля звала, жаждала, требовала. Жизни, которой было так много там, внизу. Адский рой вился вокруг хозяина, изнывая от голода, пока, наконец, не получил приказ. Направляемые протянутой рукой, искры ринулись в темноту. И замок закричал.

Бриан стоял на стене, вслушиваясь в агонию Дунотара. Запястья саднили, голова кружилась от кровопотери, а сердце постепенно заполнял ужас. Он чувствовал их. В страшном калейдоскопе видел каждую смерть. Мужчины, женщины, старики, дети – искры не щадили никого. Выпивая силу, они дробились и неслись дальше. Голодные, жадные, безжалостные. Срывая голос, Бриан направлял охоту, пока рой не насытился и не вернулся послушно к своему пастырю. Смертельные светляки вились вокруг Бриана, ластились, пьяные от силы. Маг достал сосуд, и под звуки его голоса огоньки начали плавиться, стекая по стенкам бесценной эссенцией. А когда первый луч солнца осветил стены мертвого замка, в руках у Бриана была Искра Жизни. Мужчина потянулся к энергии, заключенной в легендарном артефакте, заживляя порезы, восстанавливая истощенный организм. А потом, не разрывая связи с источником, уничтожил следы своего присутствия в Дунотаре. Убедившись, что зачистка проведена успешно, Бриан в последний раз взглянул на поруганную твердыню и открыл портал.

Новость о том, что произошло в Дунотаре, достигла столицы через четыре дня. Его Величество выразил глубочайшие соболезнования послам Дунстера и лично племяннику почившего тана. По высочайшему указу в замок были направлены маги. Не найдя объяснения тому, что случилось той страшной ночью, они предали тела несчастных огню, а пепел – морю. И пока жрецы проводили ритуалы, просили у богинь милости для нового тана, на башню поднялся крупный мужчина. Он долго стоял там, хмурясь, оглаживал седую, как барашки на волнах, бороду. Маг чувствовал эхо, совсем слабое, едва различимое, и в этом эхе слышал отзвук знакомой силы.

– Что же ты наделал, мальчик? – покачал головой архмастер Гелен. – Что же ты наделал?

– Это невозможно, учитель!

Мужчина в черной мантии вскочил с кресла и принялся мерить широкими шагами комнату.

– Мне очень жаль, мой мальчик. Я сам не хотел верить, но, боюсь, это все же случилось. В Дунотаре Бриан создал Искру.

Некогда звучный голос Гелена, казалось, истощился. Да и выглядел архмастер неважно. Он кашлял, лицо осунулось, под глазами залегли тени. Гелен кутался в плащ, пытаясь согреться, руки его, обычно широкие и сильные, сейчас подрагивали, выдавая усталость. Кажется, прошедшие годы решили разом предьявить счета старому магу.

– Есть хоть малейший шанс, что вы ошибаетесь, учитель? – в голосе молодого мужчины звучала мольба.

– Я видел ее, мой мальчик, так же ясно, как сейчас вижу тебя, – признание далось тяжело, – сядь и выслушай меня.

Гелен кивнул на пустое кресло напротив и, как только собеседник опустил в него, продолжил.

– Когда мы вернулись, я дождался отъезда Бриана. Искра в его лаборатории, я попытался уничтожить ее, но не смог. Моих сил оказалось недостаточно. Поэтому я прошу тебя сделать это. Поклянись мне, что уничтожишь Искру.

– Уничтожить? Легендарный артефакт?

– Это смерть, мой мальчик. Искра опасна. Ее существование нужно сохранить в секрете. И уничтожить. Пообещай, что сделаешь это. Пообещай, и я умру спокойно. Мне недолго осталось.

– Что вы такое говорите, учитель? – с улыбкой отмахнулся мужчина. – Вы еще нас всех переживете.

– Искра ранила меня. Моя жизненная сила уходит, это невозможно остановить. Я не хотел взваливать на тебя эту ношу, мальчик, но другого выхода нет.

Архмастер Гелен зашелся кашлем.

– Хорошо. Хорошо, учитель, – поспешно сказал молодой маг. – Я, Ринвальд, клянусь, что уничтожу Искру Жизни. Вы только не волнуйтесь так. Лучше отдохните. Давайте, я отвар сделаю?

– Не надо, – устало покачал головой архмастер, – слушай меня внимательно.

Гелен говорил долго, переходя на шепот, когда голос от напряжения отказывался повиноваться. О том, что читал, слышал и, самое важное, видел во время визита в лабораторию и поединка с Искрой. Ринвальд запоминал, все еще отказываясь верить, что они говорят не о легендах, а о реально существующем артефакте. И его, пожертвовав жизнями, создал человек, которого Ринвальд считал своим другом.

ГЛАВА 2

То, что в его отсутствие в лаборатории кто-то был, Бриан понял сразу. Уходя, нарушитель даже не пытался замести следы. Странно. Обойти охранную систему придворного мага могли немногие, и уж они бы наверняка озаботились уборкой.

– И кто же у нас такой дерзкий? – зло спросил магистр, разворачивая свое плетение. – Гелен, старая ты сова! Вычислил, значит.

Не мешкая, Бриан направился к столу, на котором, уходя, оставил Искру. Артефакт был на месте. Жизнь, заключенная в хрустальный шар, пела, манила обещанием силы. Бриан поморщился. Восторг первых дней сошел на нет. Сейчас при мысли о содеянном во рту появлялась знакомая горечь, а кисти привычно сжимались в кулаки.

Он не думал об обитателях Дунотара – их судьба была предрешена в миг, когда старый тан бросил вызов королю. Бриана пугала знакомая пустота, вновь просыпающаяся в душе. А ведь он так надеялся, что после создания Искры это чувство наконец-то исчезнет.

– Глупый мальчишка! Бестолковый, ни на что не годный сопляк! – отозвалась пустота знакомым голосом.

Бриан зарычал от бессильной ярости. Последние дни он едва удерживался на краю. Даже Его Величество, заметив несвойственную придворному магу нервозность, настоятельно посоветовал Бриану развеяться.

– Отдохните, мой дорогой магистр, – поправляя перчатку, бросил Белгор, – похоже, магические изыскания порядком утомили вас. В Саварре сейчас чудесная погода, уверен, морской воздух вернет вам привычное спокойствие духа.

Бриан отбыл в тот же день. И следующие два пил, благодаря каждый новый бокал за благословенное забытьё. Ни снов, ни воспоминаний, ни боли. К несчастью, долго в этом состоянии оставаться не удавалось никогда.

Сколько он себя помнил, пустота поглощала все. Перемалывала похвалы учителей, завистливое восхищение коллег, вздохи дам и королевскую милость, оставляя только горечь. Заглушить ее мертвенный голос удавалось ненадолго вину и иногда – искреннему восторгу Ринвальда.

Мысль о друге отозвалась досадой. Старик наверняка расскажет ему об Искре. И они, конечно же, постараются восстановить справедливость. Герои, Балор заберите их обоих. Но Искру нужно спрятать. Бриан почувствовал, как ноющая боль сменяется злым азартом. В конце концов, что может утолить самолюбие мага вернее, чем победа над более сильным противником? Он неоднократно вызывал Ринвальда на поединок, но тот упорно отказывался.

– Да ты меня одной левой сделаешь, Бриан!

И широкая искренняя улыбка. Ринвальд всегда хвалил его работы, восторгался умением держать себя и по-детски завидовал успеху у дам. Издевался! Он всегда над ним издевался. Прикрывал дружбой свое презрение. Но только не сейчас.

– На этот раз, дружище, ты непременно примешь бой! – зло выкрикнул Бриан. – Я просто не оставлю тебе выбора. И буду наслаждаться каждой минутой.

Победа над Ринвальдом наверняка заставит пустоту замолчать. Память услужливо подбросила магистру имя.

– Это будет прекрасная схватка, мой дорогой друг!

Сейчас Бриан чувствовал себя почти счастливым.

Ринвальд спал урывками. Он не отходил от постели учителя, а тому становилось все хуже. Силы покидали Гелена, словно невидимое чудовище вытягивало жизнь архмастера. Лучшие целители разводили руками и говорили что-то о возрасте, магическом истощении и необходимости просто подождать, пока организм сам восстановится. Или Темная Жница возьмет свое.

Последние дни Гелен почти все время пребывал в забытьи, его силы поддерживали маги и целители. Бриан учителя не навещал. Сразу после возвращения из Саварры он куда-то пропал, сославшись на важный эксперимент. А потом так же внезапно появился.

– Как он?

Бриан стремительно вошел в комнату.

– Т-ты?!

Ринвальд с ненавистью посмотрел на бывшего лучшего друга.

– Я, дружище. И я буду признателен, если перестанешь тарашиться на меня и все же ответишь на вопрос. Что с учителем?

– Да как ты смеешь называть его учителем после всего, что сделал? – в голосе Ринвальда звенела ярость и какая-то детская обида. – Ведь это твое творенье его убивает!

– Вот оно что, – Бриан прищурился, – тем лучше.

– Да что ты несешь, Балор тебя забирай?! – Ринвальд сорвался на крик.

– Спокойно, дружище, – ухмыльнулся Бриан, – кажется, я знаю, что может помочь нашему дорогому учителю. Но, как понимаешь, хотел бы обсудить это в более приватной обстановке...

– Я попрошу сменить меня и приду к тебе в лабораторию.

– Буду ждать, – спокойно ответил Бриан. – Я осмотрю его.

Гелен был похож на восковую куклу. Только легкое движение одеяла и подрагивание опущенных век давали понять, что архмастер еще жив. Бриан прикоснулся к холодному запястью,

сердце билось слишком медленно. Видимых повреждений не было, но, вне всяких сомнений, старый маг умирал. Бриан отдал ему толику своей силы и, стиснув зубы, наблюдал, как она растворяется, превращаясь в ничто. Этого он не планировал. И, похоже, оказался не готов. Вливая в истощенный организм большую часть своего резерва, Бриан наклонился и прошептал:

– Я не хотел, чтобы так получилось, учитель.

И встретился с полным сочувствия и понимания взглядом. Гелен попытался что-то сказать, но сил хватило только на сдавленный хрип. Подлетевший к кровати Ринвальд резко оттолкнул Бриана и заклинанием погрузил больного в сон.

– Уходи, – не поворачиваясь, сказал он. – Я приду, как только передам его целителям.

Когда Бриан вышел из комнаты, Ринвальд бережно поправил одеяло.

– Я найду способ спасти вас, учитель. Или заставлю Бриана это сделать. Только, пожалуйста, дайте мне время.

Как бы странно это ни звучало, придворный маг не находил себе места от беспокойства. Он был готов признать, что за эти дни проделал неплохую работу: нашел идеальное хранилище для Искры и даже поместил в него своенравный артефакт. Процедуру пришлось разрабатывать с нуля, и в какой-то момент Бриану казалось: сосуд не выдержит. Повезло. Теперь, когда миг триумфа оказался так близок, неясное чувство заставляло мага нетерпеливо кружить по лаборатории. мертвенно-бледное лицо Гелена не шло из головы. Кто мог подумать, что архмастер попытается уничтожить артефакт?! Старик всегда был ненормальным. Бриан часто замечал, как учитель смотрит на него с выражением, которое никак невозможно прочесть. Магистр не понимал ни участия старого мага, ни его попыток поговорить по душам. Не понимал, почему всегда при упоминании о лорде-отце Гелен едва заметно морщился, словно потревожив больной зуб.

И надо же ему именно сейчас все испортить? Дурак, старый наивный дурак!

– Да кто ты такой, чтобы порочить имя архмастера, щенок! – зашипела пустота.

– Я Бриан МакНуад, лучший выпускник, самый молодой магистр в истории, придворный маг Белгора Десятого. Я создал Искру Жизни!

Он кричал, а пустота отвечала презрительным молчанием. Задышавшись, Бриан прикусил губу. Боль отрезвила, дала передышку, позволила разжать сведенные судорогой пальцы, расправить плечи. Он не поддастся пустоте. Только не сейчас, когда Бриан так близок к тому, чтобы навсегда заставить ее замолчать. Он должен довести партию до конца. Наконец-то доказать Ринвальду, что именно он, Бриан, лучший.

– Отдай мне Искру, и я никому не скажу о Дунотаре.

Появившийся из телепорта маг был на удивление собран и спокоен.

– Клянешься? – Бриан не верил своей удаче.

Конечно, Ринвальд вряд ли побежит к королю, но подстраховаться не мешает.

– Я, Ринвальд, клянусь никому не говорить, что это ты уничтожил Дунотар, если ты отдашь мне Искру Жизни.

– И что такой идеалист, как ты, собирается с ней делать?

Бриан криво усмехнулся, глядя, как лицо соперника вспыхивает от гнева.

– Я вылечу учителя, а потом найду способ уничтожить ее, как обещал, – Ринвальд сжал кулаки.

– Не много ли обещаний ты даешь, дружище?

– Не твое дело, – огрызнулся гость. – Я поклялся, и мне нужен артефакт.

– Что ж, понимаю твое нетерпение, – голос Бриана звучал, как насквозь фальшивая колыбельная, – но прежде, чем я отдам тебе артефакт, запомни. Сейчас только я знаю, как извлечь его из сосуда. Ты меня услышал?

– Я тебя услышал, но это неважно. Когда учитель выздоровеет, я уничтожу Искру вместе с сосудом. Поэтому если ты сильно им дорожишь, лучше достань сейчас.

– Что ж, дело твое, – пожал плечами Бриан, – идем.

В комнату, где хранились самые ценные ингредиенты, Бриан зашел первым. Он специально позаботился о ярком освещении. И о том, чтобы выбрать место, откуда ему будет отлично видно Ринвальда. Маг готовился тщательно, и его старания окупились.

Гость увидел сосуд и остолбенел. Удивление, недоверие, ужас и, наконец, ярость. Бриан пил их жадно, как поглощает драгоценную влагу пустыня. Он никогда не видел своего вечного соперника таким и подозревал, что никогда больше не увидит. Бриан улыбался, даже когда друг вцепился ему в горло. Наконец-то! Наконец-то Ринвальд показал свое настоящее лицо. Улыбки, восторг, дружеское участие – все это ложь. Только ненависть к нему, Бриану, истинна.

– Ты не можешь убить меня, дружище, – прохрипел Бриан, – лишь я знаю, как извлечь Искру.

Ринвальд отпрянул, рухнул на стоявший рядом стул, закрывая лицо ладонями.

– Почему? – простонал он.

– Что? – опешил Бриан.

– Почему? – Ринвальд поднял глаза, и Бриан увидел в них странный блеск. – Почему ты это сделал, Бриан? Учитель любил тебя, я считал тебя своим другом, единственным другом, а она... Она ничего плохого тебе не сделала! Так зачем это все?

Ринвальд кричал, злые слезы текли по осунувшимся щекам. В голосе уже не было ненависти, только боль. Почему? Зачем? Какие странные вопросы.

– Отвечай!

Крик вытряхнул из размышлений, не дал подготовиться, придумать идеальный ответ.

– Потому что я такой. А вы отказывались это видеть. Ты и учитель. Вы всегда смотрели так, будто я действительно стою вашей привязанности. А я чувствовал себя самозванцем. Дунотар и Искра, и другие вещи, о которых я не могу говорить – вот что я есть на самом деле. Я всегда тебе завидовал, старался превзойти, и каждый раз терпел неудачу. Это мой шанс стать лучшим.

– Ты болен, Бриан, – покачал головой гость, – тебе нужна помощь.

– Мне нужна победа, дружище, – устало усмехнулся Бриан.

– Я забираю ее.

Ринвальд решительно поднялся, подошел к столу, на котором лежал упакованный артефакт.

– Разумеется, – Бриан сделал приглашающий жест. – Искра твоя. Хочешь, открою портал?

– Нет, я сам, – он бережно прижал ношу к груди.

Уже на выходе из комнаты мужчина остановился и, не оборачиваясь, сказал:

– Я, Ринвальд, признаю себя побежденным в этом поединке и любом последующем, который ты решишься устроить. Если хочешь, я готов заявить это публично. Ты победил, Бриан.

И вышел. А Бриан остался стоять, ошарашенный, раздавленный. Пустота заполняла душу. У него опять ничего не получилось.

ГЛАВА 3

– Клёпа, кажется, мы проспали!

Лена потянулась на кровати, подставляя лицо солнечным лучам, и нехотя открыла глаза. Комната была явно чужой и вдобавок очень странной. Подавив первый порыв заорать дурным голосом и вспомнив о целительной силе дыхательной гимнастики, Лена, чередуя вдохи и выдохи непечатными выражениями, принялась оглядываться по сторонам. Жилище, похоже, принадлежало мужчине. Длинная деревянная кровать, кресло с высокой спинкой, шкаф, скорее всего, для одежды, стол, несколько стульев. Обстановка была аскетичной, но обжитой. Решив, что она уже достаточно успокоилась, Лена выбралась из кровати, ощутив под босыми ногами каменный пол. А ведь она ложилась в носках. И в пижаме, а не в этом невнятном балахоне. Под ним, вот так сюрприз, не оказалось белья.

– Все страньше и страньше, – пробормотала Лена, осматривая руки, с которых исчезли маникюр и кольца.

Сережки тоже пропали, как и цепочка с подвеской. Раздели и обобрали, значит. Неосознанно Лена прижала пальцы к переносице, а в следующую секунду попыталась уже обеими руками нащупать оправу. Ее, разумеется, не было, но при этом видела Лена прекрасно. Борясь с подступающим приступом паники, она принялась за инвентаризацию себя.

Тело на месте, вот только вечный друг ботаников сколиоз, похоже, сбежал с близорукостью. Испарились старые шрамы на руках и ногах: напоминания о лазании по деревьям, горячей сковородке, нескольких битых стеклах и одном ржавом гвозде. Решив, что сходит с ума, Лена отправилась на поиски зеркала, которого на виду не оказалось. Зато обнаружили таз и кувшин с водой. Руки дрожали, но она очень старалась не пролить ни капли. Не хватало еще свинячить в незнакомом месте. Наполнив таз, Лена застыла перед ним, не решаясь заглянуть. Наконец, шумно выдохнув, она посмотрела на свое отражение.

Лицо ее, и волосы тоже. Вот только цвет сошел, уступив место родному, который она старательно закрашивала последние пятнадцать лет. На нее смотрело почти забытое лицо Лены-девушки, Лены-подростка, то самое, от которого она так старалась убежать. Только глаза были ее, настоящие, и в них застыл ужас. Понимая, что сейчас накроет, Лена сделала несколько шагов от кривого зеркала и забралась с ногами в кресло. Уткнула голову в колени, пытаясь подавить подступающую паническую атаку. К встрече с собой такой она оказалась не готова.

Я не должна бояться.

Вдох.

Страх убивает разум.

Выдох.

Страх есть малая смерть, влекущая за собой полное уничтожение.

Лена читала литанию Бене Гессерит, сосредоточившись на дыхании и тексте, придуманном Фрэнком Гербертом.

Но я встречу свой страх и приму его.

Страх покинутого ребенка и девочки-подростка, уверенной в собственной ненужности и никчемности.

А когда он пройдет через меня, я обращу свой внутренний взор на его путь.

Она долго ходила этой дорогой. Знала на ней каждый камень, каждую выбоину, все ловушки и ямы.

И там, где был страх не останется ничего.

Она перестала бороться с болью. Услышала ее. Приняла. Пропустила через себя.

Останусь лишь я сама.

Вызвала в памяти свое отражение и протянула к нему руки.

Я – это ты, а ты – часть меня.

И, заключив напуганную, дрожащую от холода и боли девочку в объятия, снова стала целой.

Внимание привлек шорох за дверью. Лена выпрямилась в кресле и приготовилась здороваться. Хозяин комнаты, а судя по росту, это был он, вошел спиной в открывшуюся дверь и захлопнул ее быстрым движением ноги. Причину такого странного поведения Лена поняла, стоило мужчине повернуться. В одной руке у него был кувшин, а во второй – тарелка, накрытая салфеткой. Они молча посмотрели друг на друга. Он выжидающе, она изучающее. Потом незнакомец подошел к столу, поставил свою ношу, сел на стул и наконец сказал:

– Ты меня не узнаешь?

И от звука его голоса, от того, как он опустил плечи, расстроено наморщил нос, душа дернулась и занула. Лена вцепилась в подлокотники, словно пытаясь обрести опору. А мужчина, увидев изумление на ее лице, расцвел знакомой улыбкой.

– А вот я тебя сразу узнал. Есть хочешь?

Отчаянно замотала головой. Сползла с кресла и на шатающихся ногах пошла к столу. Два настолько сильных потрясения подряд не могла переварить даже весьма устойчивая Ленина психика. Она бы наверняка упала, но в последний момент ее подхватили. Уткнувшись носом в мантию, Лена почувствовала, как подбородок мужчины уперся в ее макушку. Рин!

– До чего ж я рада тебя видеть, братец, – голос слушался плохо, – дай я на тебя посмотрю. Ну надо же, и кто из нас теперь старший, а кто младший?

Повзрослевший Рин озадаченно нахмурился, а Лена засмеялась. Все хорошо. Все будет хорошо. Она здесь не одна.

– Слушай, – спохватилась Лена, – у тебя зеркало есть?

– Зеркало? – удивленно переспросил он.

– Ага, мне нужно кое в чем убедиться.

Страхуя, Рин подвел Лену к шкафу, который она идентифицировала как платяной, и открыл дверь.

– Ты только не отходи далеко, – попросила и, закусив губу, заглянула в глаза своему отражению

Да, первое впечатление не обмануло, она где-то потеряла лет пятнадцать. Кожа разгладилась, исчезли мимические морщины, печальные складочки в уголках рта и ранняя седина. А жаль, взрослая Лена была сильнее и себе нравилась больше.

– Что-то не так? – взволнованно спросил Рин.

– Да ерунда какая-то творится, – расстроено ответила Лена. – Я где-то потеряла свои законные прожитые годы. Точнее, нутром я их чувствую, в глазах вижу, а вот на лице никаких следов. Но что еще интереснее, у меня все шрамы детские пропали. Даже уши больше не проколоты. Это такой магический эффект от перехода между мирами?

– Не думаю, – Рин потупился, – Лена, я должен тебе кое-что рассказать.

– Разговор будет долгим и серьезным, да?

– Да.

– Тогда давай и вправду сначала поедим. Серьезные разговоры на голодный желудок...

– Последнее дело, – с улыбкой закончил Рин.

Он подвинул кресло к столу, достал вилки, ножи и два стакана. Разложил по тарелкам ломти хлеба, сыра, холодного мяса и какие-то овощи.

– Приятного аппетита, – он пододвинул Лене ее порцию.

– Вино? – она подняла бровь. – А как же что-то там про бодрость ума, ясность духа и избегание соблазнов?

Рин с недоумением посмотрел на Лену. В ее глазах плясали смешинки.

– Я правда был таким занудой? – он грустно улыбнулся.

– Ты был очарователен, – категорично заявила Лена. – Так сколько лет у вас тут прошло?

– Двадцать.

– Ну ничего себе! Вот так и сбываются детские мечты о старшем брате.
– Мне будет трудно представить тебя младшей, – задумчиво сказал Рин.
– Мне, кстати, тоже непривычно видеть тебя таким взрослым.
– А сколько у вас там прошло?
– Два года, так что тут наверняка больше новостей, чем у меня, – Лена решила растормошить Рина. – Университет закончил?

– Да.

– Магистра получил?

– Давно уже.

– Молодчина! – Лена важно подняла вилку с наколотой вареной морковкой. – Никогда в тебе не сомневалась.

Она улыбалась. Очнулась одна в незнакомом мире. Обнаружила, что ее тело непонятным образом изменилось. Ей было страшно. И все же Лена пыталась подбодрить его. Как тогда.

– Лена, – позвал Рин.

– Аюшки?

А улыбка осталась той же, и глаза. Спокойные, как лесное озеро.

– Прости, – выдохнул Рин.

– За что? – она смотрела с недоумением.

– За то, что у тебя я был таким болваном.

– Рин, ну чего ты, – Лена тихо засмеялась. – Ты был ребенком. К тому же попавшим в ужасную ситуацию. И, поверь мне, держался просто молодцом. Я, конечно, понимаю, сейчас некоторые твои действия кажутся неуклюжими и странными. Когда я себя вспоминаю в аналогичном возрасте, хочется то заплакать, то обнять, то отвесить подзатыльник. Поверь, тебе совершенно не за что просить прощения.

– Но я больше не ребенок, – Рин стал очень серьезным.

– Вот если вдруг сейчас накосячишь, будешь извиняться. А за то не вздумай!

– Я уже накосячил.

Рин посмотрел на нее с таким отчаянием, что Лена мгновенно отодвинула тарелку и знакомым жестом подперла подбородок.

– Это должно остаться между нами, – серьезно сказал маг.

– Клянусь, – Лена подняла вторую руку, – могу на крови.

– Не нужно. И, кстати, клятвы... Ладно, потом. Так вот, недавно мой друг, точнее, я считал Бриана своим другом, создал запретный артефакт. Он не должен был этого сделать. Все записи уничтожены, даже упоминания. Но Бриан, – Рин вскочил и принялся расхаживать по комнате, – как-то воспроизвел ритуал и получил Искру. Мой учитель, Гелен, я тебе о нем рассказывал, попытался ее уничтожить. Но не смог и сейчас очень болен. Он взял с меня слово уничтожить Искру, но сначала я думал использовать ее, чтобы вылечить учителя. Я пошел к Бриану, потребовал отдать артефакт. И он отдал...

Рин рухнул на стул и вцепился в волосы. Лена с удивлением заметила в рыжей шевелюре ниточки седины. Она прокручивала в голове монолог Рина и ловила себя на мысли: в рассказе не хватает какой-то очень важной детали.

– Рин, прости, но я не понимаю. Если артефакт у тебя, то в чем проблема?

Он посмотрел на нее с такой болью, что Лена мигом слетела с кресла и встала напротив мужчины.

– Рин, послушай. Ты справишься. Ты же гениальный маг, а я временно побуду группой поддержки, – она улыбалась, пытаясь поймать его взгляд. – Скажи, что случилось?

– Артефакт в тебе! Бриан поместил Искру в тебя!

Лена опешила. Попробовала переварить эту мысль. Получалось плохо.

– Так это не ты забрал меня из дома?

Рин замотал головой. Лена сделала глубокий вдох и медленно проговорила, все еще не в силах поверить.

– Значит, этот Бриан пришел ко мне домой, перенес в ваш мир и поместил в меня какой-то суперартефакт? А тебе он нужен, чтобы вылечить учителя. И судя по твоему состоянию, достать артефакт из меня ты не можешь. Правильно?

Рин кивнул. Лена пнула свои эмоции подальше. Спокойно. Не время паниковать, время думать.

– А ты уверен, что он не лжет? Бриан мог просто спрятать куда-то эту Искру, а меня подкинуть, чтобы ты перестал искать.

– Искра в тебе, я ее чувствую. Все изменения в твоём теле – результат ее действия.

Лена прикусила губу. Она не должна бояться. Страх убивает разум, а это все, что у нее сейчас есть.

– Скажи, пожалуйста, эту Искру вообще можно из меня извлечь? – спросила она очень тихо.

– Да. Бриан знает способ. Но он этого не сделает. И мне не расскажет, как.

Рин с ненавистью смотрел в сторону. Она обхватила его лицо ладонями и наконец заглянула в знакомые ореховые глаза.

– Если ее реально достать, уверена, ты найдешь способ.

– Это может занять много времени, а учитель очень плох, – голос серый, глухой, отчаявшийся.

– А что тебе нужно для лечения?

Казалось, разгадка близко, осталось буквально несколько шагов. Лена с трудом продиралась сквозь пливун из страха и подступающей паники. И сейчас ей очень не помешала бы помощь. Но Рин не отвечал. Плечи опущены, голова поникла. Он, должно быть, смертельно устал. Болезнь учителя, предательство друга и она в нагрузку, с запрещенным артефактом внутри. Неудивительно, что ситуация казалась безвыходной.

– Рин, посмотри на меня.

Он послушно поднял на нее глаза. Взгляд был почти остановившийся. Страшный.

– Что тебе нужно для лечения учителя? – не отступала она.

– Лена, это бесполезно, – маг покачал головой.

– Ответь мне, пожалуйста.

Спокойна, сейчас она должна быть совершенно спокойна. Волноваться Лена будет, как горячо нелюбимая ею Скарлетт О`Хара, завтра.

– Мне нужна Искра, – ответил пустым бесцветным голосом.

– Так вот же она! То есть я! Рин! Послушай меня. Да вынырни ты из своей тоски и послушай! Тебе нужна Искра, у тебя она есть. Ты же сам сказал, что чувствуешь ее во мне. Нужно просто понять, как ее можно использовать!

Кажется, у нее получилось. Лена смотрела, как лицо Рина принимает осмысленное выражение.

– Ты предлагаешь использовать Искру, пока она в тебе?

– Это можно сделать?

– Теоретически...

Увидев в его глазах знакомый огонь, Лена была готова разреветься от облегчения. Но секунда и Рин снова поник.

– Ну что еще? – она дернула за рукав мантии.

– Это может быть очень опасно.

– Для тебя?

– Да нет же, глупая! Для тебя!

Рин разозлился. Неужели она не понимает?! И не поверил своим ушам, услышав в ответ:

– Тогда позволь мне самой принимать решения.

Она гордо выпрямилась, смотрела спокойно. Паника отступила. У Лены появилась цель.

Хорошая девочка. Ее механизм выживания. Точка равновесия, когда сумасшедший компас перестает вращаться, и можно понять, где ты и кто ты. Одни в такие моменты становились завоевателями, другие – исследователями, тиранами, даже жертвами. А Лена была спасателем. Благородным рыцарем, чье призвание помогать. Это был ее дар и ее проклятье. Отравленная броня, которая убивала, если носить ее слишком долго. Но сейчас Лена нуждалась в опоре. Любой. Позвать. И изрядно поблекший доспех с готовностью укрывает душу, помогая защитить Ленино «я». Устоять и первой сделать шаг навстречу неизвестности. Не позволить страху ударить в спину.

– Я хочу помочь тебе, Рин, – она убрала со лба рыжую прядь. – Пожалуйста, позволь мне это сделать.

– Ты понимаешь, что можешь умереть? – он вздрогнул.

– Понимаю, – ее голос был совершенно спокоен. – Но я не умру. И магистр Гелен не умрет. Ты его вылечишь.

– Архмастер, – устало усмехнулся Рин.

– Что?

– Гелен уже давно архмастер.

– А это имеет значение? – Лена нахмурилась.

– Ни малейшего, – магистр Ринвальд уверенно поднялся, – это не имеет ни малейшего значения.

– Кстати, еще раз назовешь меня глупой, укушу! – смешно сузив глаза предупредила Лена.

– Знаешь, ты сейчас на Клеопатру похожа? Лена, – он взволнованно посмотрел на нее, – а как она там одна?

Лена шлепнулась на стул, задумалась, прижав палец к губам.

– Время в наших мирах течет по-разному, так?

– Да, я пропал на несколько месяцев. Учитель очень волновался.

– Значит, ничего страшного, – она старалась говорить спокойно, чтобы не нагружать и без того перегруженного Рина. – Я ей перед сном еды навалила. Там на пару дней по нашему времени хватит.

– А если...

– А если я решу задержаться, то у Катерины есть ключи от моей квартиры. Рин, все под контролем, не забивай себе голову.

– А кто такая Катерина? – на всякий случай поинтересовался маг.

– Катерина – моя младшая сестра. Когда ты у меня гостил, я ей бессовестно врала, что болею и занята.

А еще про внезапного ухажера, который оказался недостойн. За основу взяла одного из Танькиных, ей не жалко.

– У тебя есть сестра? – удивился Рин. – Я не знал.

– Ты многого обо мне не знаешь, братец, – подмигнула Лена. – А я о тебе. Но теперь у нас есть возможность исправить это досадное упущение. Кстати, а где я буду спать?

И тут магистр Ринвальд густо покраснел. А Лена рассмеялась от нахлынувшего облегчения. Все-таки некоторые вещи остаются неизменными. И это прекрасно.

ГЛАВА 4

Спать Лену уложили в кабинете. Последний оказался доверху забит фолиантами, свитками, странными наглядными пособиями и прочими околوماгическими прибабасами. А еще

там обнаружился стол, рабочее кресло и – о чудо! – диван, использовавшийся в качестве очередной подставки для книг. Расчищенный и облагороженный, он служил Лене верой и правдой все дни, которые она провела в стенах университета. Как многие преподаватели и исследователи, Рин предпочитал ведомственное жилище. Недорого, с питанием, да еще и лаборатория близко.

Казалось, высшие силы решили пошутить над ней. Лена полностью зависела от Рина, как когда-то он от нее. Но, понимая серьезность ситуации, старалась сделать все, чтобы не усложнять жизнь. У нее была еда, крыша над головой, ощущение безопасности и близкий человек рядом. И еще она могла читать и понимать прочитанное!

Чтоб не свихнуться от безделья и беспокойства, Лена зарылась в книги. И совсем скоро поняла: она попала и, похоже, надолго. Здесь существовала не только магия, но и боги. Точнее, богини. Каждая произнесенная клятва мгновенно заносилась в небесный гроссбух, а нарушение каралось. И чем серьезнее был обет, тем строже наказание. А значит, пока Искра в ней, вернуться домой не получится.

Пойманный и допрошенный с пристрастием Рин догадку подтвердил. Все время он проводил то у постели архмастера Гелена, то в лаборатории. Ужин приносил, почти ничего не соображая от усталости. Лена была уверена: если бы не необходимость кормить ее, с едой бы Рин не заморачивался. Глядя на исхудавшего мага с заострившимися скулами и перманентным макияжем а-ля панда, Лена, не раздумывая, решила остаться, пока из нее не достанут артефакт. Божественный уголовный кодекс статей со сроками не имел, а если Рин ради ее благополучия схватит вышку... Нет, лучше уж задержаться.

И Лена развернула подготовку к операции внедрения. Целыми днями она читала, делала пометки и пыталась понять, как можно вписаться в этот прекрасный новый мир. На первый, второй и даже третий взгляд задача казалась вполне подъемной. Они с Рином двигались параллельными жизнями, пересекаясь только за ужином. Чтобы не возникло ненужных вопросов в прачечной, пришлось носить рубашки мага и его старую мантию. Та смешно волочилась по полу, отчего Лена казалась себе похожей на Хемуля из истории о Муми-троллях.

Впрочем, на внешний вид ей было плевать. Куда больше Лена опасалась за свое душевное состояние. Нервный срыв, депрессия в такой ситуации могли стать практически неразрешимой проблемой. Соответствующих специалистов здесь не было, как и медикаментов. Но, похоже, загадочная Искра хранила вверенный ей организм в отличном состоянии, а периодически возникающие приступы уныния Лена разгребала самостоятельно. Плакала, когда было грустно, радовалась по каждому доступному в этих скудных условиях поводу. Четко отслеживала свои чувства и переживания, анализировала, перестраивала восприятие под новые реалии. Конечно, не забывала про зарядку и здоровый сон.

Рин регулярно таскал Лену в лабораторию. Просил постоять в кругу незнакомых символов и читал заклинания. Перерисовывал знаки, добавлял свечи и странный песок, поил Лену зельями разной степени мерзости. А однажды прибежал и попросил ее кровь. И не мог понять, почему девушку почти пополам согнуло от хохота. Утирая выступившие слезы, Лена напомнила ему, как повторяется история, и они смеялись уже вместе.

В этот день обнаружилось, что раны на Лене заживают практически мгновенно. Прокол на пальце исчез за пару секунд. Царапина поглубже тоже долго не продержалась. Длинный порез на бедре, который она нанесла себе, несмотря на категорические протесты Рина, перестала кровоточить практически сразу, а скоро от него не осталось и следа. После этого Рин отобрал у Лены нож и уговаривал, пока она не пообещала больше не экспериментировать с острыми предметами. Забрав кровь, он умчался в лабораторию, а Лена долго смотрела в пустоту, осознавая, что тело ее окончательно предало и жизнь свою она больше вообще никак

не контролирует. И по какой-то злой иронии именно эта неуязвимость стала последней каплей. Гипотетическая невозможность умереть лишила Лену воли к жизни.

Мир перевернулся. Сознание металось в судорожных попытках устоять, но, увы, опора оказалась не надежнее льда, образующегося осенью на поверхности луж. Вот только под ним были не вода и старый асфальт. Там, голодная и жадная, ждала бездна, в которую, потеряв паруса и управление, летел кораблик личности по имени Лена. И экипаж ударился в панику. А Лене всего-то нужно было время пересобрать головоломку. В который раз ответить на вопрос: «Кто я». Понять, что осталось у нее, насильно переброшенной в незнакомый мир и запертой в клетке собственного, но чужого тела. И в конце концов принять себя. Теперь такой. Но враг оказался силен. Глубинный страх потерять контроль воплотился в Искре и атаковал Лену. И броня не спасла – удар шел изнутри.

Вернувшись, Рин обнаружил Лену в слезах. Она сломанной куклой лежала на диване не в силах подняться. Отказалась есть. Не реагировала на хорошие новости. Физически с ней все было в порядке, маг проверил несколько раз. Никаких изменений. Узор частичек Искры, рассеянных по организму девушки, тот же, что и вчера. И тем не менее он видел: ей плохо. Очень плохо.

– Чем я могу тебе помочь? – спросил Рин, опускаясь на пол рядом с диваном.

Лена посмотрела на него невидящим взглядом и задала странный вопрос.

– Скажи мне, кто я?

И тогда Рин показал ей рисунки. Много рисунков, с которых на Лену смотрела Лена: задумавшаяся над планшетом или книгой, сидящая в любимой позе или стоящая у окна, с яблоком в руке или карандашом за ухом, просто смотрящая вдаль. Улыбающаяся, смеющаяся, хмурая, сердитая, задумчивая. Прошлая – с аккуратной стрижкой, в очках, и новая – с двумя смешными косичками, в мантии с закатанными рукавами. Штрихами, полутонами и линиями Рин рисовал Лену, какой ее видел он. Поэтому, несмотря на разницу почти в пятнадцать лет, женщина рисунках была одна и та же. Ему как-то удалось ухватить и передать то неразличимое, что сохранялось независимо от внешнего вида или эмоционального состояния.

Лена смотрела на себя глазами Рина, постепенно осознавая, что перемены, которые она сочла такими существенными, – скорее декорации и аксессуары. Неважно находилась она на своей кухне или в кабинете магистра магии, Лена оставалась собой. В ней сохранялся теплый свет, который она так долго в себе открывала и училась поддерживать, невзирая на обстоятельства. Она и сейчас чувствовала его. И тогда, сосредоточившись на этом огоньке, Лена нашла в себе силы отвести внутренний взгляд от жадно всматривающейся бездны и сделать шаг назад. Удержаться на краю. Ведь пока она живет, все еще может измениться.

– Мне нужно отдохнуть, – сказала чуть слышно. – Ты побудешь со мной?

– Конечно. Спи.

Рин накрыл ее шерстяным одеялом и присел на краешек дивана.

– Я люблю тебя, братец. Спасибо за все.

И обессиленная Лена провалилась в сон.

Кто-то тормошил за плечо. Лена очнулась и с удивлением отметила, что не чувствует усталости, апатии и потери сил – верных симптомов ее постстрессового похмелья. Голова была ясная, душевное состояние ровное, желание немедленно пойти и выпрыгнуть из окна отсутствовало. Загадочная Искра привела организм в норму, за что Лена была ей искренне благодарна и, пожалуй, в первый раз подумала о своей случайной соседке с теплотой. Не злокачественная же опухоль в конце концов, не волчанка, не склероз, а странный симбионт, который

заботится о ее теле и не лезет в душу. А с таким попутчиком она всегда сможет договориться. Мысленно пожелав Искре доброго утра, Лена открыла глаза и, увидев склонившегося над ней и очень взволнованного Рина, села. За окном было темно. Сколько же она проспала?

– Что случилось?

– Как ты себя чувствуешь? – Рин всматривался в ее лицо.

– Я в порядке, братец, – улыбнулась Лена, – так что случилось?

– Учителю стало хуже, нам надо спешить. У меня уже все готово, и если ты не передумала...

– Еще одно слово, и я тебя стукну. Значит, ты нашел способ?

– Да, я же тебе говорил, – Рин внимательно посмотрел на нее. – С тобой точно все...

– Все в порядке, Рин. Мне было плохо, но я уже в норме. Давай обсудим мое душевное состояние после того, как вылечим твоего учителя?

Она была собрана и спокойна. Рин искал хоть малейшие признаки нездоровья и не находил. Он не мог рисковать потерять их обоих. И только убедившись, что с ней действительно все в порядке, Рин перенес Лену в лабораторию и, попросив подождать, отправился за архмастером. Страх Лена не чувствовала, скорее предвкушение. Завтра все будет по-другому. Она автоматически начала продумывать свои действия. Привычка, выработанная долгими годами жизни в состоянии повышенной тревожности, иногда оказывалась очень кстати.

Когда Рин вернулся, больного уложили в круг из символов, нарисованный на полу, Лена встала в соседнем. Маг заметно нервничал и начинать не спешил. Он трижды проверил соприкасающиеся контуры обоих кругов, четыре раза заглянул в свои записи и возился бы еще, если бы Лена не окликнула его.

– У тебя все получится, братец. Мы, – она кивнула в сторону архмастера Гелена, – в тебя верим.

Рин встряхнул руками, шумно выдохнул и заговорил. Под кожу словно сыпанули углей, которые постепенно разгорались. Лена закрыла глаза и стиснула зубы, чтобы не закричать. Понимая, что скоро не сможет стоять, медленно опустилась на колени. Склонила голову, пытаясь скрыть выступившие слезы. Не кричать, только не кричать. Нельзя прерывать ритуал. Пламя и боль становились сильнее. Внезапно Лена ощутила укол ярости. Слишком яркой, слишком горячей, совершенно нетипичной. По многолетней привычке заставила себя сосредоточиться на эмоции и искать причину. Почему ты злишься? Что не так?

Ее вынуждали покинуть убежище, о котором она так заботилась. А ей здесь хорошо. Поэтому она никуда не уйдет!

– Но тебе не нужно уходить, – одними губами прошептала Лена, – тебя никто не гонит.

– Он зовет меня, – отозвалась сила.

– Он просто просит твоей помощи. Мы оба просим. Тебе не нужно уходить, только помочь.

Боль стихла и Лена смогла сделать глубокий вдох.

– Ты умрешь, если солгала!

– Хорошо, – согласилась Лена и стала пламенем.

Рин увидел, как сжатые кисти девушки расцветил огненный узор. Линии змеились потоками магмы, заставляя ткань одежды тлеть. Лена подняла голову. Ее лицо, скрытое причудливым рисунком, походило на мерцающую золотую маску.

– Я помогу тебе, человек, – в голосе мелькнул отзвук лесного пожара, – но если ты попытаешься изгнать меня, она умрет.

Сила ответила силе. Энергия, направляемая словами мага, потекла по контурам соприкасающихся кругов и дальше – в тело старого волшебника. Искра поила архмастера своей силой, залечивая нанесенные ею же раны. Одежда на Лене горела, однако лицо ее оставалось спокойным. Она что-то шептала, но слов было не разобрать. Не прекращая говорить, Рин переводил

взгляд с сестры на учителя. Гелен выздоравливал прямо на глазах: с лица уходила мертвенная бледность, дыхание стало глубоким и ровным. Он уже не был похож на скорого гостя Темной Жницы. И, не помня себя от радости, Рин продолжил ритуал.

Пламя вскоре погасло. Огненный узор медленно уходил под кожу. Сила отступала, оставляя на полу просто девушку в лохмотьях сторевшей одежды и крепко спящего старика. Рин сделал несколько вдохов, пытаясь сбросить остатки чудовищного напряжения. У него получилось! У них получилось. Магистр Ринвальд провел пятерней по волосам, улыбнулся широко, по-мальчишески, и побежал к своим самым родным людям.

ГЛАВА 5

– Лена! – Рин схватился за голову.

– Я уже много лет Лена, – ответила она невозмутимо. – Понимаю твое беспокойство, братец, но решения не изменю.

– Ну хоть вы ей скажите, учитель, – магистр повернулся с сидящему в кресле Гелену.

Тот с немалым удовольствием наблюдал за поединком, который его любимый ученик проигрывал с разгромным счетом.

– Как бы мне ни хотелось поддержать тебя, мой мальчик, но Лена права. Она и так долго пренебрегала своим комфортом ради нас.

Рин надулся, а Лена едва сдержала улыбку. С архмастером Геленом они нашли общий язык очень быстро. Он поблагодарил ее за спасение своей жизни. Она его – за многолетнюю заботу о Рине. И они заключили негласный договор о дружбе и сотрудничестве.

– Ты не можешь жить одна, – зашел на новый виток Рин.

– Я много лет жила одна и, поверь, прекрасно с этим справлялась, – Лена была само спокойствие.

– Но в городе опасно!

– В любом городе опасно. Я буду осторожна.

– Но...

– Так, Рин, – Лена поставила чашку, – послушай меня, пожалуйста. Я понимаю, что ты заботаешься обо мне, и очень благодарна за твою заботу. Но я больше не могу сидеть безвылазно в четырех стенах, спать на твоём диване и носить твою одежду. Мне надоело выглядеть, как пугало. Мне нужен свежий воздух и возможность заняться чем-то еще помимо чтения. Я не знаю, сколько мне предстоит жить в этом мире, но это время мне хотелось бы жить. Понимаешь? Что касается безопасности... Ты же маг, братец. Выдашь мне какие-нибудь амулеты, чтобы я не потерялась. А серьезный вред мне причинить и так нельзя.

– И ты будешь осторожна? – сдался Рин.

– Предельно, – серьезно пообещала Лена, – но вы должны рассказать мне о Бриане.

– Что?! – взвился магистр.

– Зачем тебе это, девочка? – взгляд Гелена был очень внимательным.

– Только три человека знают обо мне правду. В вас я уверена и хочу понимать, чего ожидать от Бриана. Знай своего врага и знай себя, и ты сможешь провести тысячу битв без поражений.

– Мудрые слова, – улыбнулся архмастер.

– Их автор вообще был большой молодец, – кивнула Лена.

– Если Бриан к тебе близко подойдет, я... – Рин начал закипать.

– А если я к нему близко подойду?

– Ты? Зачем? – опешил Рин.

– Ну, скажем, попрошу его извлечь из меня артефакт.

– Он никогда этого не сделает! – рубанул Рин.

– Ну, чтобы убедиться, нужно как минимум попробовать.

– Лена, обещай мне, что не будешь говорить с Брианом!

– Извини, братец, но обещания не дам. Я взрослая женщина и сама буду решать, с кем мне общаться. Рин, пожалуйста, услышь. Ты не сможешь защитить меня от всего, но ты можешь помочь мне подготовиться к трудностям.

– Что ты хочешь знать о Бриане, девочка? – Гелен решил вмешаться.

– Но учитель?!

– Рин, мой мальчик, – архмастер переплел пальцы в замок, – я знаю, тебе горько. Сейчас ты его ненавидишь, и в этом я могу тебя понять. Но нельзя жить ненавистью, она отравляет. Нам непременно нужно поговорить о Бриане и том, что он сделал.

Рин шумно сопел, прожигая взглядом стол. Лене хотелось обнять его, но делать это при Гелене она не решилась.

– Расскажите все, что можете, архмастер, – повернулась она к старому магу.

Тот откинулся на высокую резную спинку любимого кресла, сложил большие руки поверх снежно-белой мантии и, ласково посмотрев на мрачного ученика, заговорил.

– Через несколько месяцев после возвращения Рина из твоего мира Бриан пришел ко мне с письмом от отца. Тот просил сделать из мальчика великого мага.

– Прямо так и написал? Простите, что перебиваю, архмастер, – Лена смотрела очень внимательно.

– Ничего, ничего, девочка, – помахал Гелен. – Да, он так и написал, сделать великого мага. Разумеется, я взял Бриана. Они с Рином ровесники, я решил, что вместе мальчишкам будет интереснее. Бриан оказался очень талантливым. Он очень быстро стал одним из лучших. Самый молодой магистр в истории. Придворный маг в неполные тридцать. Он не мог остановиться, словно что-то гнало его вперед. Пойми, девочка, каждый действительно великий маг в чем-то безумен. Среди нас были те, кто не останавливался ни перед чем. И, возможно, в поступке Бриана есть моя вина. Ведь он был моим учеником... – старик удрученно замолчал.

– Учитель, вы вините себя? – ошеломленно прошептал Рин.

– Я не могу отрицать свою ответственность.

– Но...

– Скажите, архмастер, – Лена пресекла эту зарождающуюся драму, – что вы знаете о матери Бриана? У него есть братья или сестры?

– Я слышал, что жена Кормака умерла родами. Бриан – единственный ребенок.

– Кто учил Бриана до того, как он попал к вам?

– Сам Кормак. И он хорошо выучил сына.

– А каким он был человеком? Только, пожалуйста, архмастер, скажите, что думаете.

– Сильным, гордым, жестким. Иногда слишком, – Гелен поморщился.

– Слишком гордым или слишком жестким?

– И то и другое, девочка. Он был лордом МакНуад. Это очень древний род. Но мне всегда казалось, что иногда ему стоило бы действовать мягче.

– И в воспитании сына тоже?

Гелен внимательно посмотрел на серьезную девушку. Она прищурилась, словно разглядывала что-то, невидимое мужчинам.

– Да, Лена, и в воспитании сына тоже.

– Бриан что-то рассказывал о своем детстве?

– Ничего. Он вообще неохотно говорил о личном.

– Он женат?

Рин поперхнулся.

– Спокойно, я просто собираю информацию.

– Нет, Бриан не женат, – архмастер улыбнулся, – и день, когда он женится, станет траурным для большинства придворных дам.

– Итак, – Лена начала загибать пальцы, – аристократ, очень сильный маг, исключительно умен, с отличной карьерой, пользуется успехом у женщин и при этом ведет себя, как последняя сволочь. Как ты думаешь, братец, Бриан намного слабее тебя?

– Слабее? – магистр был искренне удивлен. – Я не знаю, почему ты так решила, но это не так. Возможно, исследователь из меня лучше, но в бою Бриан меня уделает на раз-два. Я поэтому никогда не соглашался на дуэли.

– А он предлагал?

– Пока были учениками, очень часто. Потом реже. Но я всегда отказывался. Он же сильнее. Зачем проверять то, что и так понятно? – Рин пожал плечами, а потом добавил, задумавшись. – Хотя, может, и правда надо было позволить ему пару раз мне навалить.

– Почему? – Лена насторожилась.

– Он признался, что всегда завидовал мне. Хотел превзойти. Проиграй я пару раз, вероятно, он и успокоился бы, – Рин вздохнул.

– Значит, со стороны Бриана мне ничего не угрожает, – резюмировала Лена.

– Вот почему ты так уверена?

Рин недоуменно хлопнул по коленям. Он хмурился, переплетал длинные пальцы, то и дело вскакивая со стула.

– Потому что все дело в том, сумеешь ты решить его задачку или нет. И пока ты будешь это делать, он как никто другой заинтересован в моей безопасности. Бриану нужна честная победа или честное поражение.

– Но я уже признал поражение, Лена.

– Когда это?

– Когда забирал тебя. Я был очень зол и просто признал свое поражение. В любом поединке, – решительно заявил Рин.

Лена схватилась за голову и издала странный звук.

– Тебе плохо? – спохватился он.

– Нет, братец, мне нормально. Просто сложно тут у вас все, у магов. Спасибо за рассказ, архмастер, вы мне очень помогли.

– Не за что, девочка, – отмахнулся Гелен.

– А теперь обсудим мой переезд? – довольно потерла руки Лена.

Рин закатил глаза. Архмастер улыбнулся. Семейный совет вошел в завершающую фазу.

Гланнабайн оказался красивым городом. Мощные улочки, невысокие постройки, много зелени – все, что Лена любила в старой туристической Европе. И при этом никаких туристов. Сплошное аутентичное окружение с поправкой на магию. Последняя избавляла жителей Гланнабайна от рек нечистот, играющих в салочки крыс и прочих атрибутов антисанитарии. Все вредные производства вынесли за городскую черту, конюшни и большие постоянные дворы располагались там же, так что по улицам можно было вполне спокойно ходить, не подтыкая подол и не закрывая нос. Пахло, конечно, не майским лугом, но Лена ожидала гораздо худшего. Как во всякой уважающей своей положение столице, здесь разместились королевский замок, рыночная площадь, храмы, священная роща, университет, штаб-квартиры многочисленных гильдий и, разумеется, зланный квартал, прозванный в народе фоморским. А соседство с доками – город находился недалеко от устья реки – упрощало его обитателям процесс уборки случайных и не очень трупов. Жизнь в Гланнабайне бурлила и днем и ночью. Полити-

ческая, торговая, духовная, магическая, бытовая и тeneвая. Но Лена не спешила окунаться ни в одну из них.

Она перебралась в маленький домик на тихой улочке неподалеку от университетского городка и просто наслаждалась свободой и покоем. Исследовала окрестности, ходила на рынок, училась вести хозяйство в новых условиях и пыталась разобраться в хитросплетениях местных неписанных правил, законов и суеверий. Стараясь оставаться как можно более незаметной, она внимательно наблюдала за жителями Гланнабайна: торговцами, лавочниками, целителями, магами, жрецами, лордами, нищими. В скромном платье и темном плаще, скрыв накидкой короткие по местным меркам волосы, она стала одной из сотен горожанок. Аккуратно и постепенно Лена приучала себя к новому миру, в котором ей предстояло задержаться на неопределенное время.

Она с благодарностью приняла финансовую помощь от Рина, но расценивала это как временные обстоятельства, которые нужно непременно преодолеть. К ее большому сожалению, Лена не была врачом, не имела способностей к магии, не владела секретами вышивки, кружевоплетения или другим прикладным ремеслом. Значит, нужно было адаптировать свои навыки и знания под местные реалии. А для этого реалии предстояло изучить и, желательно, законспектировать.

Лена вела путевой дневник, куда записывала все свои наблюдения. Рисовала словами жизнь города и горожан. Она была внимательным и благодарным слушателем, потому с ней охотно делились новостями и жизненными историями. А она с любовью переносила их на бумагу, стараясь не упустить ни малейшей детали: характер рассказчика, его жесты, мимику, манеру говорить. Лена пыталась понять этот мир, чтобы со временем определить свое место в нем. Несмотря на странные жизненные обстоятельства, она была счастлива.

ГЛАВА 6

Больше всего после долгих отлучек Бриан не любил разбирать корреспонденцию. А поскольку он отсутствовал в столице почти месяц, писем накопилось достаточно. После той ночи в лаборатории маг загрузил себя работой, собрав все выездные поручения Белгора, до которых последние полгода не доходили руки. Он даже заглянул в родовое поместье, где беспробудно пил почти трое суток. И еще двое метался по пустым комнатам, в которых прошло детство, пытаясь понять, что ему делать дальше. В том, что Ринвальд достанет Искру, Бриан уже не сомневался. Да и как он вообще мог подумать, что его сопернику это не удастся? Мучимый вопросами Бриан подолгу задерживался у портрета отца, пытаясь понять, чего сейчас мог бы ожидать от своего недостойного наследника лорд Кормак. Но пустота отзывалась лишь презрительным молчанием. И, не в силах терпеть давящее чувство вины, Бриан вернулся в Гланнабайн.

Был уже поздний вечер, когда он наткнулся на письмо с короткой надписью в строке для адресата. «Магистру Бриану МакНуад от Искры». Быстро проверив послание на наличие какой-нибудь пакости, он сорвал печать.

{Магистр Бриан,}

{Во время моего пребывания в вашем доме я оставила там дорогие моему сердцу вещи: серьги, два кольца и цепочку с подвеской. Вам они могут показаться суццей безделлицей, но для меня это бесценные сокровища. Прошу вас прислать их мне по адресу: Яблонева улица, дом 8 (с синей дверью). Я всегда бываю дома после ночного колокола. Надеюсь, моя просьба не обременит вас.}

{Елена}

{P.S. Скорее всего, я не буду первой, сообщившей вам радостную весть. Но позвольте мне разделить с вами счастье от того, что жизнь архмастера Елена ныне вне опасности и он полностью здоров.}

Он перечитал письмо дважды. Учитель жив. Жив и здоров. А значит, Ринвальд извлек-таки артефакт. Бриан зарычал и скомкал несчастный листок, наказывая безмолвного вестника за плохие новости. Но если Искра у Ринвальда, что эта женщина делает в городе? Почему ее не отправили обратно? Возможно, здесь идет какая-то игра. Нужно срочно узнать о состоянии Елена, но уже поздно для визита в университет. Зато женщина явно ищет встречи. Что ж, он не будет разочаровывать даму. Бриан МакНуад никогда не разочаровывал дам сразу.

Отыскав в лаборатории украшения, маг сгрэб их в кошель и отправился за новостями.

В этот час улица была пуста. Нужный дом Бриан нашел быстро и, не теряя времени, постучал. Елена открыла дверь, как только он назвал себя. Не пытаясь рассмотреть стоящего в проеме мужчину, она быстро протянула руку.

– Возьмите меня за руку, магистр.

– Добрый вечер, милая Елена, – он галантно поприветствовал хозяйку.

– Добрый вечер, магистр. Пожалуйста, возьмите меня за руку. Я бы предпочла поговорить в доме.

– Заклинание «Желанный гость»? – спросил Бриан, когда Елена втянула его в коридор и закрыла дверь.

– Так вот как оно называется. Вы голодны?

Сценарий вечера оказался неожиданным, но Бриан решил подыграть.

– От ужина не откажусь.

– Тогда идемте на кухню, – Елена поманила мужчину за собой.

Пока она накрывала на стол, Бриан рассматривал комнату. Ничего особенного: стол, стулья, печь, полки, кухонная утварь и посуда. Занавески на окнах. Обстановка оказалась очень простой, но здесь было тепло, приятно пахло хлебом и травами. А хозяйка, ставившая перед ним тарелку, улыбалась.

– Приятного аппетита, магистр. Вина?

– С удовольствием.

На всякий случай маг проверил пищу: ядов, зелий и прочих нежелательных компонентов в ней не оказалось. Как и в бокале. Пока Бриан ел, Елена внимательно его изучала.

– У меня еще десерт был, но Рин все умял.

Бриан на секунду замер.

– Ринвальд был у вас сегодня? – спросил он нарочито безразлично.

– Да, вы разминулись.

– И как поживает мой дорогой друг? – густая бровь иронично изогнулась.

– Неплохо. Но он очень зол на вас, магистр.

– Это совершенно взаимно, милая Елена, – презрительно усмехнулся маг, – а мой дорогой учитель тоже зол на меня?

– Мне кажется, архмастеру будет приятно, если вы найдете время его навестить.

Бриан насторожился, но даже наметанный слух придворного не уловил в ее словах иронии или скрытого сарказма.

– А вы не знаете, как Ринвальду удалось его вылечить?

Вопрос жег горло. С порога магистр перекачивал его на языке, пока наконец не поймал подходящий момент.

– Рин использовал Искру, – ответила она просто.

Бриан застыл. Лена видела, как он стиснул зубы. Глаза сузились, ноздри породистого носа подрагивали – гость явно был в ярости.

– Ну разве он не молодец, наш Ринвальд?! Извлек из вас артефакт, вылечил учителя – и все за неполный месяц!

– О, нет, что вы, – она улыбнулась, – Искра все еще во мне.

– Вы позволите мне в этом убедиться?

– Рин наложил на меня защитные чары, чтобы кто-то из ваших коллег случайно не узнал. Мне неизвестно, что там, потому прошу быть осторожным.

– Вам не стоит волноваться, милая Елена, я всегда осторожен.

Защита на ней была такой, что Бриан прикусил губу от зависти. Ринвальд снова оказался на высоте. Но зная, что искать, даже под этим магическим коконом маг чувствовал энергию Искры. Едва различимая, она, несомненно, все еще была там. Но тогда как? Неужели?

– Ринвальд использовал вас при проведении ритуала?

– Вы совершенно правы, магистр. Правда, мне пришлось долго его уговаривать. Кстати, вы не могли бы достать ее?

Лена спросила это как бы между прочим.

– Я не ослышался? – он изобразил удивление. – Вы просите меня достать из вас Искру?

– Да, магистр, я прошу вас достать из меня Искру.

– Я вынужден ответить отказом, милая Елена, – абсурдность ситуации его забавляла.

– Жаль, – она пожала плечами.

– Вы же не рассчитывали, что я это сделаю?

– Нет. Но не попробуешь – не узнаешь.

Он ответил ей смехом.

– Раз уж мне выпало счастье беседовать с вами, не ответите ли на несколько вопросов? Уверю, меня интересует исключительно Искра.

Лена улыбнулась. Обесценивал Бриан мастерски. Вот только с ней на этом поле у него ничего не выйдет.

– Буду рада помочь вам, магистр. Спрашивайте, – она была совершенно спокойна.

– Как вы себя чувствуете?

– Прекрасно.

– Есть какие-то необычные ощущения? Побочные эффекты?

– Один. Лучше покажу.

Она отошла к столу и вернулась с ножом. Не сводя глаз с магистра, Лена провела лезвием по ладони. Бриан удивленно смотрел, как неглубокий порез набухает кровью и почти сразу начинает затягиваться. Он поднял глаза и встретился с изучающим Лениным взглядом.

– Как интересно. Вы чувствуете боль?

– Такую – да. Подозреваю, что болевой шок Искра все же перекроет, но, как вы понимаете, у меня нет никакого желания проверять.

– Вы, конечно, не согласитесь, посетить мою лабораторию?

– Это было бы глупостью с моей стороны.

– Как сами сказали, не попробуешь – не узнаешь, – Бриан очаровательно улыбнулся.

– Но я могу дать вам свою кровь, если хотите.

– Что? – его удивление было искренним.

– Я готова поделиться с вами своей кровью, – Лена осмотрелась по сторонам, – только, боюсь, у меня не будет подходящей емкости.

– О, это не проблема.

Несколько фраз – и у Бриана в руках появилась колба, которую он протянул Лене. Поморщившись, она взялась за нож. Маг наблюдал, как девушка собирается с духом и делает глубо-

кий надрез. Она собрала в сосуд все, что удалось извлечь до того, как рана затянулась, и протянула образец Бриану.

– Что вы попросите за это, милая Элена? – сарказма в голосе, хоть на хлеб намазывай.

– Спасибо будет достаточно, магистр, – доброжелательно ответила она.

– Что ж, благодарю вас, – Бриан изобразил шутовской поклон, – а вы не боитесь, что наш дорогой Ринвальд расстроится, узнав о вашем подарке?

– Вы собираетесь ему об этом рассказать?

– А, то есть вы не планировали рассказывать о нашей встрече? – он хищно прищурился.

– Ну почему же, я скажу ему о нашей беседе, но ее содержание останется между нами.

– А если я воспользуюсь этим подарком, чтобы причинить ему вред?

– Вы уже сделали ему больно, магистр, и вы это знаете, – ее голос был убийственно серьезен. – Как знаете то, что могли, да и сейчас можете, уничтожить его в любой момент. Но вы этого не сделаете.

– Почему же? – Бриан расщедрился на сардоническую усмешку.

– А что дальше? – пожала плечами Лена.

Вопрос попал точно в цель. Лицо Бриана застыло.

– Что дальше?

– Да, магистр, что дальше? Вот вы докажете себе, что лучше соперника, к слову, это вам хоть сейчас подтвердит любой. Знаете, что будете делать дальше? Я уже не спрашиваю, даст ли эта победа результат, на который вы рассчитывали.

Она терпеливо ждала его ответа. Предсказуемо Бриан сменил тему.

– Вы так беспокоитесь обо мне, милая Элена? А я-то думал, вы будете меня ненавидеть.

– Ненавидеть? За что?

– Ну как же, я похитил вас и использовал для своих целей.

– Знаете, магистр, я отношусь к этому факту, как к обстоятельству непреодолимой силы. Ненавидеть вас за это бессмысленно, как бессмысленно ненавидеть стихию, которая может разрушить дом. Лучше потратить силы на то, чтобы восстановить его и жить дальше.

– Хотите сказать, я не стою вашей ненависти?

– Я сказала, что не испытываю ненависти за то, что вы сделали со мной. Но я очень зла на то, как вы поступили с Рином. Я очень не люблю, когда причиняют боль дорогим мне людям.

– И тем не менее вы впустили меня в свой дом, разделили со мной трапезу и поделились своей кровью? Вы непоследовательны, Элена. Впрочем, разве можно другого ожидать от женщины?

Лена улыбнулась.

– Знаете, мне всегда отсылки к женскому уму, женской природе или женской логике казались слабым аргументом в споре.

– И что же, по-вашему, сильный аргумент? – саркастично усмехнулся он.

– Хороший вопрос, магистр, – она задумалась. – Сильным мне кажется аргумент, который основан на объективно проверяемых данных. Вот если во время эксперимента какой-то элемент ведет себя не так, как другие, неужели вы спишете это на его особую природу и не захотите узнать почему?

– Захочу, но только если ответ на этот вопрос будет мне интересен, – уколол ее Бриан.

– Разумеется, – спокойно согласилась Лена. – Еще вина, магистр?

– Нет, достаточно. Я и так отнял у вас много времени.

Бриан встал, открыл кошель и положил на стол ее вещи.

– Ваши украшения.

– Благодарю вас, магистр. За то, что нашли время принести их мне, и за интересную беседу. Будете в этих краях, заходите в гости.

– Вы приглашаете меня? Неужели я вам нравлюсь?

– Мне нужно понять, кто вы, магистр. Тогда я смогу ответить на ваш вопрос.

– Я подумаю над вашим предложением, милая Елена. В конце концов, крови, которую вы мне дали, может не хватить.

– Я не поделюсь кровью во время вашего следующего визита, – сказала Лена, открывая дверь.

– Тогда зачем мне приходиться к вам? – Бриан ступил за порог.

– На этот вопрос, магистр, как и на все остальные, можете ответить только вы. Спокойной ночи.

Она закрыла дверь и прижалась к ней спиной. Вытерла лоб, сделала несколько глубоких вдохов. Беседа далась непросто. Она ждала ее, готовилась и, в принципе была довольна результатом. Магистр оказался именно таким, как она его представляла по рассказам архмастера и Рина, а также аккуратно собранным в городе сплетням, – сплошное минное поле. Вот только с дозой агрессии, которую хватанула Лена, наступив на большую мозоль Бриана, нужно было что-то делать. Оценив свое состояние и признав, что дыхательными упражнениями тут не отделаешься, Лена пошла в дальнюю комнату. Сразу после переезда она повесила там мишень и с тех пор ежедневно упражнялась в метании ножей. Получалось пока отвратительно, но, чтобы спустить пар, самое оно.

Лена не питала иллюзий в отношении Бриана. Свой брак с похожим звездным юношей она помнила очень хорошо. Глебушка был лапочкой и солнышком. Весельчак, балагур, душа компании, студент, спортсмен и просто красавец. Когда он выбрал ее, Лена была на седьмом небе от счастья. Легкость во всем теле, бабочки в животе и прочие симптомы неземной любви. Ее роману завидовали все подруги, так красиво он ухаживал.

Глеб предложил пожениться через месяц после знакомства, пел песни о том, как он подарит ей весь мир и они пройдут по жизни вместе. Он стал для нее всем. Хорошая девочка старалась стать идеальной женой. И не смогла. В какой-то момент она оказалась не такой: недостаточно привлекательной, недостаточно сексуальной, все еще удобной, но уже не соответствующей ему, великому.

Ей говорили об изменах, она отказывалась верить. Плакала втихаря и старалась стать лучше. Для него. Потому что проблема была, конечно же, в ней. Он ведь такой замечательный, а она недостойна. Лена превратилась в издерганную тень. И, разумеется, однажды Глеб ушел. Потому что ему нужна настоящая женщина, а Лена давно перестала ею быть. И он так старался ради их брака, но он живой человек, у него потребности, и вообще ты сама во всем виновата.

Это уже потом, после нервного срыва, депрессии и нескольких лет психотерапии Лена поняла, что у нее изначально не было ни единого шанса. Потому что нарциссы хороши только в виде цветов.

ГЛАВА 7

После визита Бриана созерцательно-восстановительный период в жизни Лены закончился. Она познакомилась с Сольвейг. Ее волосы покорили Лену с первого взгляда: пушистые, каштановые, с запутавшимися в кудрях лучиками солнца, они были прекрасны. Она даже остановилась, любуясь этими сказочными локонами и их хозяйкой, которая стояла на мосту, задумчиво глядя в воду. Мысленно поставив записку записать типаж, Лена рванула на рынок. Из-за вчерашних посиделок проснулась она поздно, а продукты сами себя не принесут.

Потолкавшись меж рядов около часа, Лена с корзинкой, груженной всякой снедью, топала домой. Она жевала пирожок, подкинутый ей как постоянной клиентке дородной женой булочника, и размышляла, идти на чай к архмастеру Гелену или все же дать себе денек отдохнуть от магов. И тут краем глаза заметила, как красиво вьются по ветру волосы девушки, стоящей

на мосту. Те самые, которыми она любовалась по дороге на рынок. За это время незнакомка не сдвинулась с места и не сменила позы.

Лена медленно подошла к девушке, не сводя с нее глаз, и встала рядом. Погруженная в свои мысли, та даже не заметила новой соседки.

– Вы простудитесь, нибеан.

Лена сказала это очень спокойно, готовая немедленно схватить девушку, если та вдруг решит-таки прыгнуть.

– Что? – незнакомка только сейчас обнаружила, что не одна на мосту.

– Вы простудитесь. Ветер с реки прохладный, а вы без плаща, – Лена разговаривала мягко и ласково, как с ребенком. – Я живу здесь недалеко. Идемте ко мне, согреетесь. Не хватало еще вам заболеть перед Лугнасадом.

Болтая о грядущих развлечениях главного летнего праздника, она увлекла незнакомку с собой, подальше от реки. Привела домой, сунула в руки кружку с подогретым вином и заставила выпить все до последней капли. Щеки девушки порозовели, а взгляд приобрел чуть более осмысленное выражение. Она с удивлением осмотрелась и, обнаружив себя на незнакомой кухне, сжалась от страха, вцепившись в пустую чашку.

– Не нужно бояться, – Лена присела на соседний стул, – вы в безопасности. Никто не причинит вам вреда. Меня зовут Лена, вы у меня дома. Именем Великой Матери клянусь, что не желаю вам зла.

Спокойный тон хозяйки, клятва и действие вина заставили гостью немного оттаять. Она все еще смотрела потерянно, но уже начинала походить на человека, а не на зомби, пусть и очень симпатичную.

– Я... Мне уже лучше, – тихо сказала девушка, не поднимая глаз. – Спасибо вам, добрая госпожа. Я, наверное, пойду...

– Куда?

И услышав этот, казалось бы, простой вопрос, гостья разрыдалась. Лена давала ей выплакаться и кляла себя на чем свет стоит, что дома нет вообще никаких лекарств. Ладно, обойдется подручными средствами. Долила в кружку еще вина и подала девушке салфетку.

– Плачьте, нибеан, плачьте, сколько можете. А вино поможет успокоить боль.

Отчаянно всхлипывающая незнакомка подняла на Лену растерянный взгляд брошенного котенка.

– Я... Мне...

– Вам нужно поспать, – Лена встала и протянула руку. – Идемте, у меня как раз есть свободная комната. И не спорьте, нибеан, в таком состоянии я вас все равно никуда не пущу.

Девушка заснула очень быстро. И Лена, на всякий случай спрятав в сундук все острые предметы, побежала к целителю. Ей нужно было что-то успокаивающее и что-то укрепляющее. Беан Брэнниган, весьма уважаемая в городе травница, жила неподалеку. Пока женщина готовила снадобья для ее госты, Лена, поддавшись старой привычке, заказала свой стандартный лечебный набор: от головы, нервов, живота, простуды, простых ран, ожогов и случайной беременности. Ошибаться больше одного раза – дурная примета.

Незнакомка проснулась под вечер. Симпатичным привидением вплыла на кухню, где получила улыбку, порцию целебного отвара и тарелку каши с мясом. Девушка жевала, бросая испуганные взгляды то по сторонам, то на Лену. Та весело пересказывала ей свежие сплетни, услышанные на рынке, избавляя гостью от необходимости поддерживать беседу и не давая повиснуть неловкой тишине.

– Как вас зовут, нибеан? – спросила Лена, когда ужин был окончен.

– Сольвейг, госпожа.

– Лена, меня зовут Лена, и лучше на ты. Договорились?

– Хорошо, Лена, – послушно кивнула девушка.

– Вот и замечательно. Я не буду спрашивать, что с тобой стряслось, но, если захочешь рассказать, выслушаю и постараюсь помочь. И пока не определишься, как быть дальше, можешь пожить у меня. Место есть, еды тоже хватит.

– Остаться здесь, госп... Лена?

– Ну да.

– А что я должна буду делать?

– А что хочешь. За помощь скажу спасибо, но ничего требовать не буду. И денег с тебя тоже не возьму.

– Почему вы... ты мне помогаешь?

– То, что привело тебя на мост, не стоит жизни. Когда отдохнешь и успокоишься, сама это поймешь. Кстати, ко мне брат иногда заходит поболтать и раз в неделю на ужин.

– А ваш... твой брат не будет против, что я тут проживу?

– Нет, он даже рад будет. Очень переживает, что я тут одна.

Спокойная атмосфера кухни, дружелюбный тон хозяйки, сытный ужин и лекарство заставляли отчаяние отступить, и Сольвейг с легким опасливым интересом осматривалась по сторонам.

– Нравится?

– Очень, – Сольвейг слабо улыбнулась, – почти как дома.

– Значит, остаешься?

– Я... я не буду тебе в тягость. Я могу стирать и готовить, и по дому все умею, и шить, и вышивать тоже.

Девушка говорила очень быстро. Спешила доказать свою полезность, чтобы остаться в этом чудесном доме, где она чувствовала себя так спокойно.

– Подожди тут, я тебе кое-что покажу.

Лена ушла в комнату, а Сольвейг бросилась убирать со стола. И когда хозяйка вернулась, неся пачку листов, посуда уже была вымыта, вытерта и расставлена по местам.

– Спасибо тебе большое! Смотри, я тут кое-какие наброски платьев сделала, как думаешь, такое можно сшить?

Несколько простых рисунков, созданных по мотивам разных фэнтези и исторических фильмов, вызвали оживленное внимание Сольвейг. Она профессионально рассматривала их, сразу предлагая материал, из которого это можно было бы пошить, задавая вопросы по фасону и отделке. И, видя искренний интерес девушки, Лена рискнула рассказать ей о пуговицах и одежных крючках.

– Лена! С этим же можно создавать такие наряды! Да и мужскую одежду тоже, наверное. Под взглядом Сольвейг Лена чувствовала себя почти Коко Шанель.

– Думаешь, такое будет иметь спрос?

– Конечно! Госпожа за такое платье серебром заплатила бы.

Лена сделала вид, что не заметила упоминание о госпоже.

– Серебром значит. Серебро – это очень хорошо. А ты смогла бы такое пошить?

– Если из самой простой ткани, то я бы попробовала.

– Отлично! Сходишь завтра со мной на рынок? За материалами?

– На рынок? – девушка сжалась.

– Ну или я сама схожу, только скажешь мне, что нужно?

– Хорошо.

– Хм, а хочешь, я тебе дам бумагу и чернила? Попробуешь сама платье придумать.

– Мне бы хотелось.

Вечер закончился тихо и спокойно. Лена делала заметки в дневнике. Сольвейг нарисовала несколько эскизов и сидела над выкройками, пока Лена не отправилась спать, влив в

девушку порцию снотворного. А потом наконец-то позволила себе заслуженный бокал вина. День выдался на редкость насыщенным.

– А не состоящий в гильдии человек может подать заявку на такой патент?

Наслаждаясь чаем и божественными булочками, купленными утром, Лена слушала экспресс-курс патентного права. Учительствовал архмастер Гелен.

– Нет, чтобы заявить права на полезное изобретение, нужно состоять в гильдии.

– Хм, досадно. А как вступить в гильдию?

– Выучиться у местного мастера, самому стать мастером, а потом подать прошение и заплатить членский взнос.

– А если, допустим, мастер приехал из другого города и хочет вступить в столичную гильдию?

– Тогда ему нужно доказать свое мастерство, создав шедевр. Другие мастера оценят его и вынесут решение, принимать или нет. И взнос будет выше.

– А объективных критериев такого шедевра не существует?

– Боюсь, нет, девочка. Все исключительно на усмотрение мастеров.

– Возрастные ограничения для мастера есть?

– Формальных нет, но обучение требует времени.

Лена поделилась с архмастером своим планом по обретению финансовой независимости с помощью своей хорошей памяти и навыков Сольвейг. Получив необходимые материалы, она с утра засела за шитье.

– А почему ты не хочешь попросить Рина подать эти твои пуговицы на патент? У него есть почетное членство, кажется, во всех ремесленных гильдиях. После того как он вернулся от тебя, он только и делает, что изобретает.

– Привычка к финансовой самостоятельности, архмастер. Я очень благодарна Рину и вам за помощь, но предпочла бы сама.

– Эта девушка, о которой ты рассказывала, ты ей доверяешь?

– Я предложила ей кров, еду и безопасность. А сейчас дам шанс заработать, не исключено, что и разбогатеть. Думаю, она будет мне благодарна, это хорошая основа для сотрудничества.

– Тогда, может, ты согласишься принять от меня небольшую сумму на это ваше предприятие?

– Исключительно в долг, архмастер. Вы будете получать долю от прибыли. И мы заключим договор.

– Хорошо, хорошо, – заулыбался Гелен, – будь по-твоему, девочка.

Лена ответила старику широкой улыбкой. Маг ей действительно нравился. Он был умен, образован, обаятелен и, в отличие от обоих учеников, обладал отменным чувством юмора. Лена старалась навещать его почаще, тем более что ее компания была старику приятна.

– Элена, я тут показал твои заметки моему коллеге, магистру Деклану. Он считает, что ты могла бы попробовать написать что-то для театра.

– В Гланнабайне есть театр?!

Лена застыла, так и не донеся до рта булочку.

– А ты не знала?

– Откуда?!

– Ах, я совсем забываю, что Рин далек ото всех развлечений. Да, в Гланнабайне есть театр, правда, после Белтайна он уезжает давать представления по стране, но к Мабону возвращается в столицу.

Лена прикинула, что до возвращения труппы у нее почти два месяца. Отлично!

– А вы ходите в театр, архмастер?

– Я, конечно, не такой знаток, как магистр Деклан, но раньше старался не пропускать премьеры.

– Тогда расскажите мне, пожалуйста, о театре. Что ставят, кто играет, сколько длится спектакль, какие основные сюжеты? Есть ли какие-то нежелательные или запрещенные темы? Что пользуется популярностью у публики?

– Тише, дитя, тише. Я отвечу на все твои вопросы.

– Извините, архмастер. Я буду рада услышать все, что вы мне сможете рассказать.

Когда Рин вошел в кабинет, Лена и Гелен уже успели обсудить практически все нюансы местного драматического искусства. В ходу здесь были в основном мистерии, сюжеты из жизни великих героев древности и что-то вроде комедии дель арте с набором персонажей, типичных для местного среднего класса. Лена мысленно потирала руки: комедии, драмы, трагедии, мюзиклы в конце концов. Поле оказалось просто непаханым. И, слава Великой Матери, можно было не писать в стихах. Лена сидела как на иголках, готовая сорваться и бежать домой, перебирать классические сюжеты.

– Рин, ты-то мне и нужен, – улыбнулась вошедшему магистру. – Архмастер, вы не возражаете, если я его украду?

– Думаю, ему будет полезно подышать свежим воздухом.

– Мне даже чаю не нальют?

Лена протянула ему булку, вторую зажала в руке.

– Съешь по дороге, а чай я тебе дома налью. Идем, а?

– Я к вам потом зайду, учитель.

– Идите уже, дети, дайте старику отдохнуть.

И пока Рин доказывал архмастеру, что тот никакой не старей, Лена тащила его за мантию к выходу.

Ее умиляло ходить с Рином по городу. Он был фигурой приметной и вдобавок известной. Эдаким национальным достоянием. Маг использовал знания, вывезенные из ее мира, и за двадцать прошедших лет успел изобрести и улучшить столько всего, что получил почетное членство в большинстве ремесленных гильдий. Это благодаря его работе в Гланнабайне царила относительная санитария, вода всегда была чистой и большинство кварталов вполне прилично освещались ночью. Его готовы были на руках носить маги, ремесленники и целители. Король знал его имя и признавал, что вклад магистра Ринвальда воистину неоценим. Товары Гланнабайна, создаваемые с использованием его технологий, пользовались спросом. Торговля шла, казна наполнялась.

И Лена не удивилась, узнав, что Рин достаточно богат. Изобретения приносили хороший доход, плюс в университете он получал соответствующее своему статусу жалование, которое практически не тратил. Конечно, магистр был завидным женихом. Поэтому, когда они шли по улице, Лена часто ловила на себе полные презрения взгляды прекрасных дев. Ее явно считали недостойной такого видного кавалера, и это Лену очень веселило.

Они уже подходили к дому, когда она закончила рассказывать о Сольвейг и результатах сегодняшнего разговора с архмастером.

– Знаешь, я ведь мог бы подать за тебя патент?

– Знаю и благодарна тебе. Но тут дело не в патенте и даже не столько в деньгах. Мне важно, чтобы это шло от женщины. Будем создавать правильные прецеденты. Да и Сольвейг такая трудотерапия будет полезна.

– Ты ей доверяешь?

– Хм, скорее да, чем нет. Но когда будешь настраивать на нее защиту дома, не мешало бы проверить.

– Хорошо, я посмотрю.

– Спасибо, братец. Ты у меня настоящее сокровище.

– Кстати...

Лена не успела договорить, потому что из комнаты в коридор вылетела сияющая от восторга Сольвейг. Раскрасневшаяся, с развевающимися на бегу волосами она была чудо как хороша.

– Лена, я...

Увидев незнакомого мужчину, она застыла на полпути, обхватив себя руками. Лена попыталась взять ситуацию под контроль.

– Сольвейг, познакомься, пожалуйста, это мой брат, магистр Ринвальд.

Похоже, громкое имя возымело действие. Девушка уставилась на Рина.

– М-м-магистр Ринвальд? Твой брат?

– Да, знаю, мы совсем не похожи. Ему досталось все: и ум, и красота, а мне так, по мелочи.

– Лена!

– Де не кипятись ты, братец. Я не в обиде. Ладно, чего мы стоим тут, идемте на кухню. Сольвейг, поставь, пожалуйста, воду, я Рину чай обещала.

Девушка скрылась на кухне, а Лена наконец-то смогла переключить внимание на магистра. В последний раз такое выражение лица она наблюдала, когда показала ему ноутбук, подключенный к интернету

– Рин, Ри-и-ин? – дернула его за рукав.

– Лена, знаешь, она такая...

– Знаю, братец, идем. Она тебе сейчас чай сделает. А я вареники.

– Правда?

– Правда. Я творог свежий как раз купила. И вишни. Идем.

Вареники лепили все. Лена вспомнила бессмертный тезис об объединяющем воздействии совместного труда и пристроила всех к работе. Девушки делали тесто, магистр выковыривал косточки из вишен. Потом Лена учила обоих лепить. Ловкие пальчики Сольвейг мгновенно ухватили основной принцип, и скоро продукт у нее получался не хуже, чем у хозяйки. А вот магу кулинарное мастерство давалось тяжелее, но упорство великого ученого победило. Когда все было готово и первая партия булькала в котелке, Лена отправила Рина отмываться от муки и вишневого сока, попросила Сольвейг убрать со стола, а сама помешивала воду, не давая обеду слипнуться. Гостя уже успокоилась. И пусть она почти не разговаривала, отвечая односложно или жестами, стало видно, что напряжение отступило. Зато Лена была вся внимание и слух.

После обеда, который прошел вполне весело, Лена попросила у Сольвейг разрешения перенастроить на нее охрану дома, поклявшись, что в это время Рин пальцем к не притронется девушке. Маг от этих слов заметно смутился и тоже дал бы клятву, если бы Лена не пнула его под столом. Получив кивок согласия, он быстро прочитал заклинание. После был тестовый прогон. И убедившись, что Сольвейг теперь может выйти и войти самостоятельно, Лена решила проводить магистра.

– С тобой все в порядке, Рин? – она была очень серьезна.

– Я... я не знаю. У меня какое-то очень странное чувство. Не знаю, не могу объяснить.

– Давай так, загляни к Гелену и поговори с ним. А завтра я зайду к тебе после окончания занятий. Договорились?

– Хорошо.

– И спасибо за помощь, братец. Ну, иди.

Сольвейг возилась с посудой, погруженная в свои мысли. Девушка явно успокоилась, и Лена позволила себе передохнуть.

– Ты мне что-то хотела показать? – спросила она, когда была вытерта последняя тарелка.

– Да! Пойдем.

Сметанное на живую нитку платье лежало на кровати. Однотонное, из самого дешевого материала, оно уже было прекрасно. Богиня второй раз за день улыбнулась Лене. Шить Сольвейг действительно умела. И Лена с энтузиазмом рассказала ей о плане по завоеванию модного мира столицы. Девушка слушала очень внимательно, моментально вникая в детали и делая толковые замечания. Золотые руки, цепкий ум, хорошее знание вкусов местных дам – лучшего компаньона Лена и желать не могла.

– Ну что, партнеры? – Лена протянула руку.

– Партнеры!

Сольвейг хлопнула ее по ладони и в первый раз за все время действительно улыбнулась.

– Отлично, значит ты пиши все, что нам нужно для этого самого шедевра и открытия мастерской. Попробуем просчитать затраты хотя бы на полгода. А я пока займусь тем, что сделает нас популярными.

Первой пьесой, которую она адаптирует, будет Золушка. И все костюмы они сделают вдвоем с Сольвейг. И там обязательно будет свадьба. И платье! Еще бы барда найти, чтобы уж совсем в духе Диснея...

Позже, когда они сидели над бумагами, Лена предприняла попытку вытащить Сольвейг из дома.

– Пойдешь со мной завтра в храм?

– Пойду. Нужно попросить благословение Матери. И поблагодарить ее за то, что она послала мне тебя, Лена.

– Мне кажется, это начало прекрасной дружбы.

Лена всегда мечтала процитировать «Касабланку», да все случай не представлялся. Девушки кивнули друг другу, и каждая погрузилась в свои записи.

ГЛАВА 8

Малый королевский совет сегодня собрался по поводу важному и приятному для всех, кроме самого монарха. Срок положенного традициями траура истек, и королю должно было вновь сочетаться священными узами. Жениться Белгор не хотел. Он уже дважды был женат и обеспечил династию должным числом наследников. Но кесарь Циндариини наотрез отказался подписывать любые договора, кроме брачного. Хорошо хоть цесаревна была красива. Если, конечно, портрет не врал.

Собственно, заседание совета было чисто номинальным. Его Величество сообщил о своем желании привезти в Гланнабайн новую королеву. Дворяне похвалили короля за мудрый выбор. Осанну пели почти два часа – каждый желал засветиться перед начальством. Бриан, дважды обязанный присутствовать на этом бессмысленном празднике подхалимажа – как придворный маг и как лорд МакНуад, тихо зверел.

В последнее время он много работал и плохо спал. Дни превратились в бесконечный цикл, разорвать который Бриан был не в силах. Стоило ему сделать попытку остановиться и попытаться посмотреть в будущее дальше, чем на день, как в голове вспыхивал вопрос: «А что дальше?». И ответа у магистра не было. Пустота периодически подавала голос, осыпая Бриана упреками, но никаких конструктивных идей не предлагала. Она вообще ничего не предлагала и, пожалуй, впервые в жизни это по-настоящему злило Бриана.

Наконец, король произнес заключительное слово, поблагодарив своих лордов за мудрые советы, и заседание закончилось. Магистр попытался быстро выскользнуть из зала, но в дверях был атакован бочкообразным лордом Дрисколлом, который спешил поделиться впечатлениями от прошедшего собрания. Пришлось слушать и вежливо улыбаться, представляя, как он превращает навязчивого придворного в червя или крысу. Толстую, мерзкую, с длинным голым хвостом.

– А вы когда порадуете нас хорошими новостями, лорд МакНуад?

– О каких новостях вы говорите, лорд Дрисколл?

– Послушайте, Бриан, я был близким другом вашего отца и считаю, что имею право дать вам совет. Все мы знаем, как вы преданы короне и как много трудитесь на благо королевства. Но вы не только магистр и придворный маг, Бриан, вы – лорд МакНуад, и у вас есть долг перед домом и предками.

Если бы они стояли не в зале, еще заполненном людьми, а где-нибудь в тихом уединенном месте, то молодой Фергюс прямо сейчас стал бы новым лордом Дрисколлом. Но место было неподходящее, и Бриан сдержался, одарив старого лорда убийственной улыбкой. Увы, Дрисколл был глуп и настойчив – прескверное сочетание для собеседника.

– Вам нужен наследник, тот, кто после вашей смерти повесит портрет в родовом замке. Тот, кто продолжит ваше дело и дело вашего отца. Тот, кто...

– Я услышал вас, лорд Дрисколл, – голос магистра прозвучал на удивление спокойно, – и подумую над вашими словами.

– Тогда, может, согласитесь прийти на ужин? Моя Элинор...

– Благодарю за приглашение, лорд Дрисколл, но сейчас мне надлежит заняться подготовкой к Лугнасаду и приезду невесты Его Величества. Передайте вашей дочери, что я почту за честь танцевать с ней на праздновании обручения.

– Вы совершенно правы! Долг перед короной превыше всего. Элинор, конечно...

Но лорд МакНуад уже покинул комнату. Ему нужно было срочно попасть в лабораторию и проверить один образец. Похоже, у него появился ответ на злополучный вопрос.

Трудовые будни в Гланнабайне неуловимо напоминали Лене ее прежнюю жизнь. Только без кофе, по которому она жутко скучала. А так все то же: планирование, встречи, много работы и приближающиеся дедлайны. У нее на руках оказались три проекта. Во-первых, Золушка. Черновой вариант сюжета и персонажи были одобрены Сольвейг. Правда, некоторые кустовые рояли пришлось адаптировать под местную специфику, превратив в изящные арфы. И сейчас Лена занималась собственно написанием текста, тестируя каждую сцену на подруге, правя и переписывая. Во-вторых, получение Сольвейг звания мастера. А для этого был необходим исключительный шедевр. Этап эскиза девушки успешно прошли, и сейчас Сольвейг работала над прототипом, после которого предстояло пошить уже финальное изделие. И в-третьих, мастерская, точнее – модный дом. Здесь все было на стадии оценки затрат и рисков, и девушки работали вместе, покрывая листы бумаги списками товаров, статей расходов и столбиками цифр.

Погруженная в интересное дело и воодушевленная открывшимися перспективами, Сольвейг скоро перестала походить на бледную тень. Лена с удовольствием наблюдала, как из кокона прошлой травмы появляется умная, активная и целеустремленная девушка. Иногда у нее случались тяжелые минуты, и тогда Лена давала подруге возможность погрузиться и выплакаться, а сама молча сидела рядом, обеспечивая моральную поддержку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.